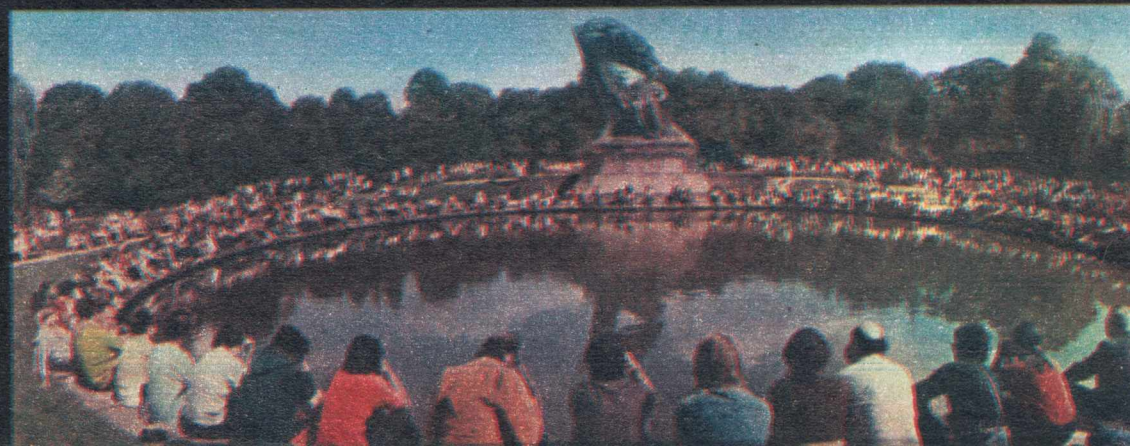

 ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 30 ИЮЛЬ 1974

**ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ**

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

НЕРУШИМЫЙ СОЮЗ

На вопросы «Огонька» отвечает член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Государственного совета Польской Народной Республики товарищ Генрик ЯБЛОНЬСКИЙ.

22 июля Польская Народная Республика празднует свое 30-летие. Товарищ Председатель Государственного совета, с какими достижениями приходит польский народ к этому юбилею?

Минувшее тридцатилетие явилось переломным этапом в более чем тысячелетней истории Польши. В нашей стране произошли революционные преобразования, изменились общественные отношения, построен прочный фундамент социализма. Путь, на который мы вступили тридцать лет назад, знаменует исторический поворот в жизни нашего народа. Возрожденная в исторически справедливых границах, страна заняла почетное место в мире, стала полноправным членом социалистического содружества. Фактором, имеющим огромное значение, явилась классовая переориентация польской внешней политики. Ее незыблемая основа — это братский союз со Страной Советов, надежная гарантия неуклонного и всестороннего развития социалистической Польши.

Поворот, свершившийся под руководством партии рабочего класса, своими глубокими корнями связан с лучшими традициями Польши — с многолетней борьбой демократических и патриотических сил за национальное и социальное освобождение, с польским революционным

движением, давшим миру выдающихся деятелей международного пролетариата, участников боев на баррикадах Октябрьской революции и соратников В. И. Ленина.

История, предшествующая народной Польше, будет неполной, если не упомянуть годы гитлеровской оккупации и вооруженную борьбу поляков против гитлеровского фашизма на всех фронтах второй мировой войны. Мы сохраним на века в благодарной памяти имена героических воинов Советской Армии, освободившей нашу страну. Плечом к плечу с ней сражалось возрожденное Войско Польское. Мы гордимся тем, что вместе с советскими товарищами по оружию участвовали в героическом штурме Берлина.

В исключительно трудных условиях, в разоренной стране тридцать лет назад мы начали строительство новой Польши. От рук гитлеровских оккупантов погибло 6 миллионов польских граждан. Среди оставшихся в живых было 2 миллиона инвалидов, миллион сирот, сотни тысяч вдов. На родину возвратился миллион бывших узников гитлеровских концлагерей и 2,5 миллиона людей, вывезенных на принудительные работы. Война уничтожила 38 процентов национального достояния, большинство заводов и фабрик было разграблено. Варшава и многие другие города и деревни были разрушены до основания.

Успехи, достигнутые рабочим классом и всем народом за истекшие тридцать лет, не имеют себе равных в истории страны. Восстановление, а затем быстрое развитие и социалистические преобразования осуществлялись под руководством Польской рабочей партии, предшественницы Польской объединенной рабочей партии.

Мы создали мощную и современную экономику. Свидетельство этому — десятое место в мире по валовой продукции. Мы построили современную промышленность, продукция которой в среднем удваивается каждые 8 лет. Возникло много новых крупных отраслей. Прославилось в мире наше морское хозяйство. Огромные изменения произошли и в деревне. Введена система планового сельского хозяйства. Ежегодно повышается его продуктивность. Вырос материальный и культурный уровень населения. Новое поколение здоровее, образованнее и лучше подготовлено к жизни. Всеобщей стала тяга к знаниям. Сегодня каждый четвертый поляк учится в школах разных ступеней. Подготовлено 730 тысяч специалистов с высшим образованием. Это немало, если учесть, что нас 33 миллиона.

Ушли в прошлое те времена, когда Польшу считали только аграрной страной. Сегодня три пятых населения живет в городах, а промышленное производство увеличилось с 1950 года, с момента, когда были залечены самые тяжелые раны, нанесенные войной, в десять раз.

Сегодняшняя Польша — страна молодого и динамично развивающегося общества. Преобладающая часть населения — это молодые люди. Вот почему партия и правительство столь важное значение придают вопросам воспитания молодого поколения и предоставления ему надлежащих условий развития.

Знаменательный, особенно в последние годы, динамизм социального, экономического и культурного развития связан с социалистическим

характером общественных отношений, с политикой партии, намечающей перспективы дальнейшего роста. Польская объединенная рабочая партия — руководящая сила народа, сплоченного во Фронте единства народа, — сегодня сосредоточивает свое внимание на претворении в жизнь программы социально-экономического развития страны, принятой на VI съезде в 1971 году. Одновременно партия поставила перед народом новые задачи, решать которые предстоит до 2000 года. Поэтому тридцатилетие народной Польши — это не только повод для размышлений о пройденном пути, но прежде всего возможность проверить свою готовность к выполнению будущих заданий.

Народная Польша — сосед, друг и верный союзник Страны Советов. Какую роль играет союз с СССР в развитии Польской Народной Республики!

Братский союз со Страной Советов лежит в основе возникновения и развития народной Польши. Дальнейшее укрепление нашей идейной связи и сотрудничества — одна из главных задач, какие мы ставим в дни юбилея. Как раньше, так и сегодня дружба и тесное сотрудничество представляют основу наших достижений.

Тридцать лет назад поддержка и дружеская помощь, оказанные Советским Союзом в самый трудный для нас период, имели огромное значение для обретения исторических границ на западе страны и восстановления разрушенного войной хозяйства.

Когда мы приступили к социалистической индустриализации, советский опыт и материальная помощь сыграли исключительно важную роль. Символом этой помощи стал металлургический комбинат имени В. И. Ленина, строительство которого началось 25 лет назад. Полную документацию и техническое оснащение, необходимое в первый период строительства, поставил Советский Союз. Ныне ежегодно на металлургическом комбинате производится 6,7 миллиона тонн стали. Это половина всей нашей металлургической продукции. Более 1 300 промышленных объектов республики полностью или частично построены на основе советских лицензий и поставок машин и оборудования.

Сегодня, намечая грандиозные задачи на будущее, мы опираемся на планы дальнейшего развития наших экономических отношений, на осуществление Комплексной программы социалистической экономической интеграции в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Символ непрерывности сотрудничества с СССР — возводимый ныне гигантский металлургический завод «Катовице».

Чувства дружбы и братства связывают народы наших стран. Этому способствуют многочисленные непосредственные контакты трудящихся Польши и СССР. Успешно развивается плодотворное сотрудничество приграничных районов. В ПНР большой популярностью пользуются советская литература, кино, театр.

В основе нерушимого союза наших стран лежит идейное единство ПОРП и КПСС, дающее гарантию нашей безопасности и дальнейшего развития всего социалистического содружества. Наше тридцатилетие подтверждает творческую силу этого союза.

Ж. СОВАНЬЯРГ В СССР

По приглашению Советского правительства 11—13 июля 1974 года в СССР находился с официальным визитом министр иностранных дел Франции Ж. Сованьярг.

Во время пребывания в Советском Союзе Ж. Сованьярг был принят для беседы Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

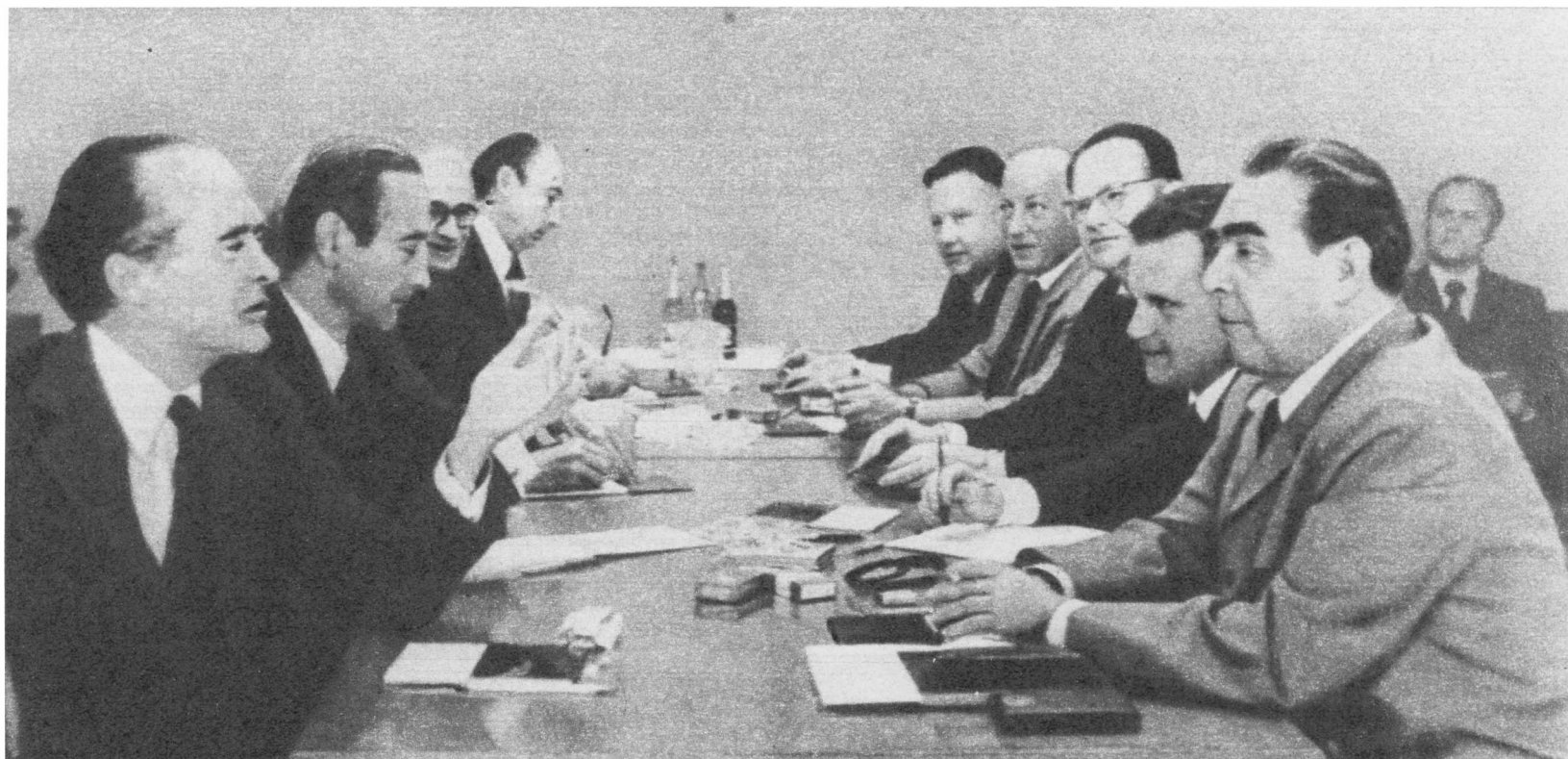
Ж. Сованьярг имел также беседы с членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко.

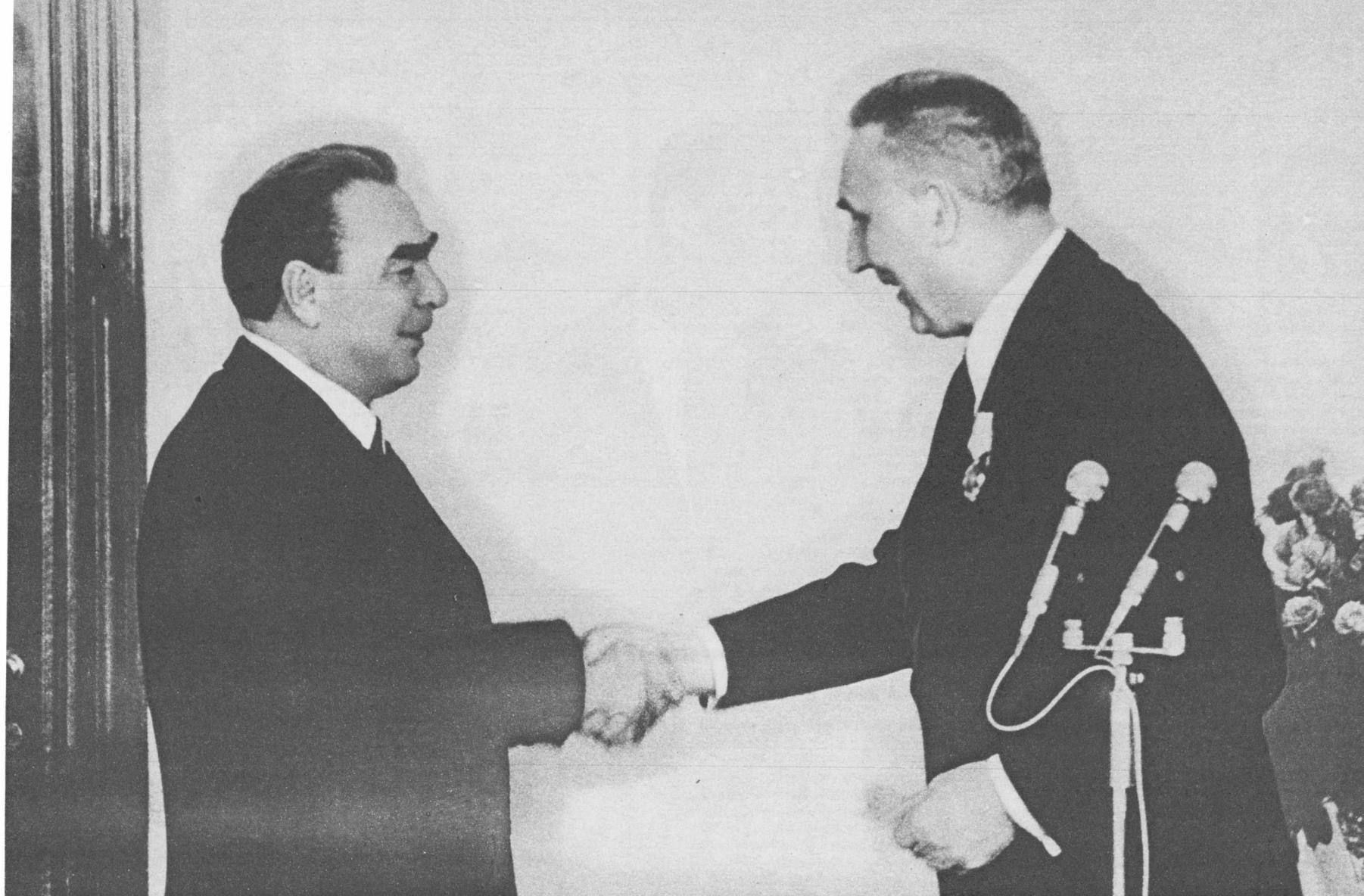
В беседах были подвергнуты широкому рассмотрению крупные международные проблемы, в частности вопрос о ходе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, ближневосточное урегулирование, положение в Индокитае и проблемы разоружения.

Стороны констатировали совпадение или близость взглядов по многим вопросам. Они заявили о своей решимости продолжать курс на расширение согласия и сотрудничества в целях успешного развития и углубления процессов европейской и международной разрядки.

Во время беседы Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с министром иностранных дел Франции Ж. Сованьяргом.

Телефото В. Соболева и Ю. Ильенко (ТАСС).

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек.

Фото В. Егорова и В. Мусазьяна (ТАСС).

ИНДИРА ГАНДИ О РЕРИХЕ

В июле этого года в Индии в командировке от журнала «Огонек» находился поэт Валентин Сидоров. В его творчестве индийская тема стала одной из ведущих. Журнал «Огонек» публиковал цикл его стихов «Голубые холмы Индостана», поэму «Весть». Многие стихи Валентина Сидорова переведены в Индии. В последнее время поэт усиленно работал над творческой биографией великого русского художника Николая Рериха. Им подготовлен к изданию сборник стихов художника «Письмена». Им написана книга о Рерихе «На вершинах».

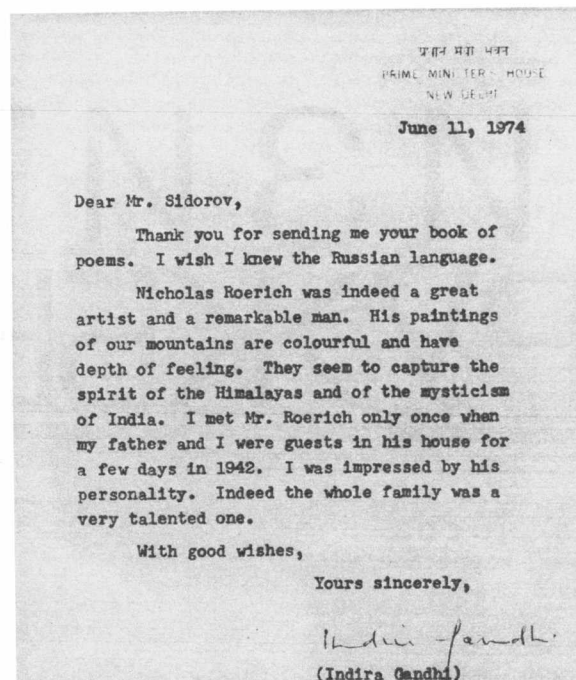
В Индии Валентин Сидоров встречался с поэтами, журналистами, общественными деятелями. Он был гостем выдающегося современного художника Святослава Николаевича Рериха, продолжающего традиции своего отца. В преддверии юбилея Николая Рериха Валентин Сидоров направил письмо премьер-министру Индии Индире Ганди, в котором попросил ее высказать мнение об искусстве Николая Рериха. Валентин Сидоров направил также Индире Ганди книгу своих стихов «Урочный час».

Индире Ганди ответила:

«Благодарю Вас за Вашу книгу стихов. Я хотела бы знать русский язык. Николай Рерих действительно был великим художником и выдающимся человеком. Его картины, изображающие наши горы, красочны и полны глубокого чувства. В них схвачен дух

Гималаев и дух самой Индии. Я встречала господина Рериха только однажды, когда мой отец и я были гостями в его доме в течение нескольких дней в 1942 году. Я была под впечатлением его личности. Действительно вся семья была очень талантлива.

С добрыми пожеланиями,
Искренне Ваша,
Индире ГАНДИ».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 30 (2455)

20 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда» «Огонек», 1974.

Николай Викторович Подгорный и Мохамед Сиад Барре на аэродроме в могадишо.

Могадишо. Здесь состоялся многотысячный митинг дружбы.

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

Сомали. Страна, лежащая у экватора, расположенная сразу в двух полушариях — северном и южном. Страна, вступившая в пятнадцатый год своего независимого существования. Новую страницу в развитии Сомали открыла революция 1969 года, провозгласившая Сомалийскую Демократическую Республику, которая стала форпостом освободительного движения на африканском континенте, страной, которая справедливо считается одной из наиболее прогрессивных в новой Африке. Она поставила своей целью создать общество, свободное от социального неравенства, эксплуатации и угнетения, осуществить перестройку жизни на социалистических началах. Советский Союз содействует сомалийскому народу в достижении этой благородной цели. В результате совместных усилий наших народов построен ряд промышленных предприятий, ставших основой сомалийской национальной индустрии. Начато сооружение гидроэнергетического комплекса на реке Джубе в районе Фаноле. Сделаны первые шаги в использовании богатств при-

брежных вод Индийского океана.

Большой вклад в строительство нового Сомали вносят советские люди — врачи, учителя, технические специалисты.

Только что мы стали свидетелями еще одного события, явившегося яркой демонстрацией дружбы между советским и сомалийскими народами.

С 8 по 12 июля Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный находился с официальным дружественным визитом в Сомалийской Демократической Республике по приглашению Президента Верховного революционного совета СДР генерала Мохамеда Сиада Барре.

Состоялись переговоры, проходившие в обстановке дружбы, сердечности и взаимопонимания, имел место откровенный и обстоятельный обмен мнениями, в ходе которого стороны высказались за даль-

Жители сомалийской столицы приветствуют высокого гостя.

После подписания Договора.

нейшее укрепление и развитие всесторонних дружественных отношений и сотрудничества между Советским Союзом и Сомали. Была подтверждена общность позиций обеих сторон по важнейшим проблемам современной жизни, их солидарность в борьбе за свободу, независимость и социальный прогресс народов, за прочный мир во всем мире.

Между СССР и СДР и их народами существуют отношения искренней дружбы и сотрудничества, основанные на принципах уважения независимости, территориальной целостности, суверенитета, равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Эти принципы нашли свое отражение в документе, призванном углубить и расширить советско-сомалийские отношения, — 11 июля в Могадишо, во

Дворце народа, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент Верховного революционного совета Сомалийской Демократической Республики генерал Мохамед Сиад Барре подписали Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сомалийской Демократической Республикой.

За четырнадцать лет пройден путь от установления дипломатических отношений и первых контактов до нынешнего широкого равноправного и взаимовыгодного сотрудничества, которое распространяется на политику, экономику, культуру, науку, охватывает практически все области жизни.

Договор открывает новые возможности для дальнейшего развития всестороннего сотрудничества наших стран.

НОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕЛЬ-АВИВА

Атака началась поздно вечером. Под покровом темноты израильские патрульные и торпедные катера подкрались к ливанским портам — Сайда, Тир и Сарафанд, открыли шквальный огонь и потопили более 20 рыбацких судов. Затем израильский морской десант предпринял попытку высадиться в портах Тир и Сайда, но был отброшен в море частями ливанской армии и палестинской милиции. Однако десантникам удалось заложить бомбы замедленного действия в ливанских портах. Палестинское информационное агентство сообщило, что в течение полутора часов после ухода израильских катеров из района Сайды в порту еще раздавались взрывы, а израильские вертолеты летали над городом. В результате взрыва бомб имеются жертвы среди местного населения.

Поражают нелепость и жестокость вероломного нападения Израиля. Попирая решения Совета Безопасности ООН, Тель-Авив продолжает политику насилия и разбоя в отношении соседнего арабского государства. Руководители Израиля выступают с новыми угрозами в адрес Ливана. Начальник израильского генерального штаба Мордехай Гур заявил о намерении Израиля и впредь совершать нападения на терри-

торию Ливана и пригрозил превратить эту страну в «арену боевых действий». С провокационным заявлением выступил премьер-министр Израиля Ицхак Рабин. Египетские газеты сообщают о создании в Израиле специальных отрядов для операций на территориях арабских стран и о предстоящем возвращении из отставки одного из «ястребов» — генерала Шарона, который возьмет на себя задачу формирования таких отрядов.

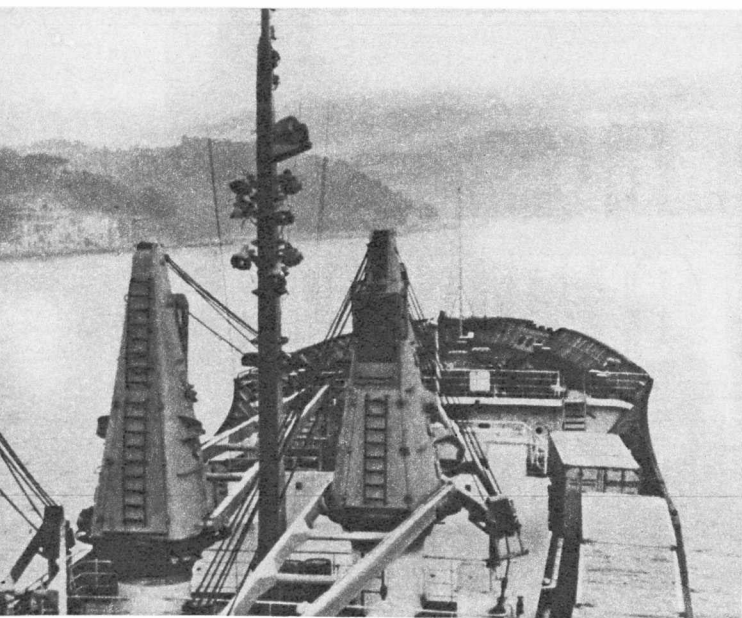
По данным наблюдателей ООН на Ближнем Востоке, только за период с 24 по 30 июня на ливано-израильской границе было зарегистрировано 37 случаев обстрела ливанской территории из пулеметов, минометов и артиллерийских орудий. Израильская агрессия против Ливана продолжается. И все это происходит в то время, когда наметились возможности справедливого, мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

Бомбардировки Ливана израильской авиацией, пиратские налеты военных катеров, массовое убийство ни в чем не повинных мирных жителей создают исключительно опасное положение на Ближнем Востоке. Новые вооруженные провокации Израиля гневно осуждаются мировой и арабской общественностью.

В. ДУНАЕВ

Жертвы агрессии Тель-Авива.

Теплоход «Донецкий шахтер» проходит Босфор.

Инициаторы трудового почина — начальник Черноморского пароходства А. Голдобенко, А. Барановский, начальник Ильичевского порта В. Золотарев и начальник второго погрузрайона С. Стребко.

Узы дружбы связывают корабли — ветераны Черного моря.

ВЕТЕРАНЫ

К 50-ЛЕТИЮ
МОРСКОГО ТРАНСПОРТА
СССР (МОРФЛОТА)

В. ЛЯСКОВСКИЙ

Фото Д. ДИЕВА.

Привычный телефонный звонок:

— Приезжайте в Ильичевск. Состоится подъем флага на новом судне!

Это уже вошло в традицию.

Писатели Одессы еще в прошлой пятилетке заключили договор о творческом содружестве с коллективом Ильичевского порта. Вполне закономерно, что они вправе считать тему нового порта своей собственной, родной, близкой — уже написаны повести, поэмы, стихи, песни, киносценарии о порте-богатыре, о трудовых подвигах его докеров, о ярких и содержательных буднях самого молодого и стремительно растущего города на юге Украины.

Город юности, романтики. Город-школа. Средний возраст ильичевца — двадцать — двадцать три года. Здесь буквально все учатся. Город портовиков, судоремонтников. Город рыбаков — здесь разместились и рыбный порт, к которому приписана китобойная флотилия «Советская Украина».

От Одессы до Ильичевска, если идти морем, всего четырнадцать миль. Одесса помнит, как знойным летом сорок первого морские пехотинцы отважно дрались на берегах Сухого Лимана. В 1957 году сюда пришли земкараваны и бульдозеры. Матросы, рискуя жизнью, поднимали с илистого дна прожженные снаряды и бомбы. И есть глубокий смысл в словах, которые начертаны метровыми буквами на фронтоне одного из портовых зданий: «Не воевать, а торговать».

Все события, связанные с сооружением этого порта, свежи в памяти.

Серый, дождливый полдень 5 августа 1957 года. У единственного тогда 150-метрового причала бросил якорь теплоход «Украина». Протяжный гудок басовито хрипел над бухтой. Взмолвленные девушки и парни держали в руках кумачовые транспаранты: «Даешь Ильичевск!»

Не забыть мне и недоумение на лице капитана французского углевоза «Галатея». Несколько лет подряд этот капитан обслуживал линию Марсель — Одесса. Но на этот раз диспетчер предупредил его, что на рейд вышел катер с лоцманом, который проведет «Галатею» в соседний порт.

— Я люблю юмор, — рассердился француз. — Но эта шутка совсем неуместна. Рядом с Одессой нет никакого порта. Я был здесь в прошлом году.

Диспетчер деловито повторил: — Просим следовать в порт Ильичевск!

Капитан «Галатеи» даже вспыл, ни о каком Сухом Лимане он и слушать не хотел, это какой-то подвох.

Француз косо и подозрительно разглядывал коренастого лоцма-

на Павла Батуру, который весело подмигивал ему и говорил:

— Не волнуйтесь, капитан, вас ждет приятный сюрприз. Поймите, вы у нас первый иностранец. Ясно? Вы со своей «Галатеей» вроде как на новоселье к нам пожаловали...

Француз растерянно махнул рукой, почувствовав себя обиженным, дескать, придется торчать тут неделю.

Но, когда «Галатея», минуя маяк, вошла в порт, капитан ахнул, не верилось ему в это чудо: в заливе вырос на удивление современный порт, со сложными гидротехническими сооружениями, с добротными складами, с портальными кранами. Капитан «Галатеи» смутился, виновато поглядывал на лоцмана и твердил:

— Когда же вы успели?..

С тех пор прошло уже больше десяти лет. Окреп, возмужал новый порт, он принимает крупнейшие океанские лайнеры из разных стран мира. Вот уж поистине: все флаги в гости к нам!

По грузообороту Ильичевск давно уже обогнал своего старшего собрата, которому минуло 180 лет, — Одесский порт. Непрерывный поток судов. Приветливо мигает Ильичевский маяк, знакомый теперь морякам больше чем пятидесяти стран. Иностранцы суда доставляют к причалам индонезийский каучук, индийский джут, цейлонский чай, алжирскую пробку, вьетнамский паркет, оливковое масло из Туниса, каустическую соду из Италии, египетский хлопок.

В древности Черное море называлось Понтом Эвксинским — «Гостеприимным морем».

Что ж, это нынче звучит символично и очень современно.

Ранней весной прошлого года в Ильичевске был торжественно поднят флаг на новом теплоходе, построенном херсонскими корабельщиками, — «Герои-панфиловцы». Высокая честь — поднять государственный флаг — была оказана двум солдатам, оставшимся в живых после легендарного боя у разьеда Дубосежво, — Г. М. Шемякину и И. Д. Шадрину. Теперь уже судно успело побывать в гаванях Кубы, Канады, Англии, Бельгии, Японии.

Если учесть, что за последнее время Черноморское пароходство пополнилось более чем сотней быстроходных судов, то зипаж «Героев-панфиловцев» зачислил себя в... ветераны.

Первый помощник капитана этого теплохода А. И. Остроухов поделился своими воспоминаниями о ливерпульской встрече:

— Представители деловых кругов города восторгались судном, его оборудованием, живо интересовались, как мы живем, просили побольше рассказать о Советском Союзе...

...И вот — телефонный звонок 1 июля этого года. В канун 50-летия Советского морского флота, — а эту дату широко и внушительно отмечает и «морская столица» Одесса, — я навещал своих давних друзей-ильичевцев, мне хотелось побывать на судах «писательской флотилии», побеседовать с моряками теплоходов «Аркадий Гайдар», «Михаил Светлов», «Ва-

силь Кучер». И вдруг — непредвиденная встреча: на причале, у портовых кранов, окрашенных в светло-оранжевый цвет, я увидел, пожалуй, самого популярного в стране докера — Анатолия Барановского. Это бригадир укрупненной комплексно — технологической бригады. С ним на причале были начальник Черноморского пароходства Анатолий Витальевич Голдобенко, начальник Ильичевского порта Валентин Иванович Золотарев и начальник второго погрузочного района порта Станислав Стребко. Все они причастны к патристическому почину Анатолия Барановского, по которому в марте нынешнего года ЦК КПСС принял постановление «Об инициативе бригады портовых рабочих Ильичевского морского порта».

— Как дела, Анатолий, с учебой? — интересовался Голдобенко. — Сдал все зачеты в мореходке? Нет хвостов?..

Начальник Черноморского пароходства, как и другие творчески настроенные командиры, сумел сразу разглядеть в начинании талантливого бригадира рациональное зерно и с помощью партийных организаций поддержал этот почин.

Родничок рождает реку, полную и быструю.

Не об этом ли говорит благодарный почин Анатолия Барановского, к которому ныне — паломничество. Докеры из всех портов страны, делегации едут за опытом. Журналисты, телеоператоры, ученые-экономисты, социологи. Начальник пароходства задумывается и потом очень серьезно говорит:

— Слушай, тезка, время славы — штука опасная. Не отвлекают ли тебя?

— Для пользы дела, — отвечает Анатолий Барановский. — В партийном комитете мне сказали, чтобы пошире мы пропагандировали опыт нашей бригады. Если днем занят с делегациями, то ночью учебу наверстываю.

— А жинка не ворчит? — усмехается Голдобенко.

— Случается, — признается Барановский.

Сметливый бригадир подал мысль укрупнить бригады, подчинить бригадире все другие службы на причале — портовых рабочих, крановщиков, механизаторов, чтобы маневрировать людьми и техникой.

С именем коммуниста Анатолия Барановского связана родившаяся в Ильичевске новая технология, позволившая резко повысить производительность труда, ускорить обработку грузов.

И появился в порту новый термин — взаимозаменяемость. Сам Барановский водит автопогрузчик, трактор, автомашину, управляет кранами нескольких типов. Его правило: «Сдай сегодня смену лучше, чем принял вчера».

На партийном собрании бригадир недавно сказал:

— Без огонька, товарищи, мы работать не имеем права. Нам на пятки крепко наступают соперники — бригады Николая Гарагаша, Анатолия Ротора, Владимира Грищука. И девиз наш, как у Павки Корчагина: только вперед, только на линию огня!

НА БЛАГО ВСЕХ ЛЮДЕЙ ЗЕМЛИ

Георгий КУЗНЕЦОВ

Говоря о результатах третьей советско-американской встречи на высшем уровне, мне хочется напомнить слова, сказанные год назад Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым по американскому телевидению: «От климата, преобладающего в отношениях между нашими двумя странами, в немалой степени зависит и общая атмосфера в мире. Ни экономическая, ни военная мощь, ни международный вес не дают нашим странам никаких дополнительных прав, но налагают на них особую ответственность за судьбы всеобщего мира, за предотвращение войны».

По моему глубокому убеждению, эти слова могут служить ключом к пониманию того колоссального вклада в дело упрочения мира, безопасности и равноправного, взаимовыгодного сотрудничества государств земного шара на благо всех народов, который могут внести — и вносят — коренным образом изменившиеся за последние два года отношения между СССР и США. И не случайно в ходе проводившихся в Москве и Орландо переговоров наряду с двусторонними связями столь большое внимание было уделено важнейшим международным вопросам.

Все более характерной чертой нынешней международной обстановки становятся разрывка, упрочение мира и развитие взаимовыгодного сотрудничества. Но поступательное движение в этой области не происходит само по себе. Для этого нужны усилия всех государств и народов. Именно поэтому руководители СССР и США проявляют решимость добиваться упрочения мира во взаимодействии с другими государствами земного шара. Как показывает практика, это сотрудничество приносит свои плоды.

В результате обсуждения ближневосточной проблемы на третьей советско-американской встрече в верхах обе стороны пришли к выводу, что устранение опасности войны и напряженности на Ближнем Востоке является задачей первостепенной важности и срочности и что единственной альтернативой является достижение на основе резолюции Совета Безопасности № 338 справедливого и прочного мирного урегулирования, при котором должны быть учтены законные интересы всех народов Ближнего Востока, включая палестинский.

Для решения этой проблемы имеется эффективный инструмент — женевская мирная конференция по Ближнему Востоку. Надо, чтобы она как можно скорее возобновила свою работу.

Позиция нашей страны по ближневосточному вопросу не случайно нашла очень высокую оценку в арабских странах, где отметили, что благодаря Советскому Союзу в таком документе международного значения, как совместное коммюнике, США признали важность решения вопроса об удовлетворении прав палестинского народа.

Стремление к укреплению роли ООН и признание необходимости скорейшего и справедливого решения проблемы Камбод-

жи на основе уважения суверенных прав народа, высокая оценка нормализации положения в Лаосе и выраженная уверенность в том, что мир во Вьетнаме может быть сохранен только при условии строгого соблюдения парижского соглашения, — все это примеры конструктивного подхода к событиям на международной арене, который был продемонстрирован на московской встрече.

Четко зафиксированная позиция СССР и США по вопросу европейской безопасности не только вызвала самый жгучий интерес со стороны государственных и политических деятелей, а также прессы Запада, но должна сыграть положительную роль в качестве импульса в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Не секрет: кое-кто на Западе давно тянет песенку, что-де совещание зашло в тупик из-за «негативного» отношения СССР к решению вопроса о контактах людей и обмене информацией, прикрывая этими разговорами, словно маскировочной сеткой, свое стремление торпедировать усилия 35 стран по выработке общеевропейского «кода поведения», который навсегда бы исключил конфликты и войну в отношениях между странами континента и гарантировал их безопасность. Кое-кто втайне надеялся: СССР и США в своем подходе к совещанию обнаружат непримиримые разногласия — и заранее потирал руки. Результаты встречи продемонстрировали обратное: Москва и Вашингтон выразили убеждение в том, что успешное завершение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе станет выдающимся событием, отвечающим интересам установления прочного мира. Исходя из этого, они высказались за то, чтобы его заключительный этап состоялся в ближайшее время. Обе стороны исходят также из того, что результаты переговоров позволят завершить совещание на высшем уровне, что отвечало бы его исторической значимости, и полны решимости внести свой вклад в поиски приемлемых для всех решений.

Это недвусмысленно сформулированное мнение явилось ударом по противникам разрядки, хорошей вестью для всех тех, кому дорог мир. И сообщения, например, из Бонна и Лондона о том, что ФРГ и Англия присоединились к мнению о возможности завершения совещания к концу нынешнего года и на высшем уровне, свидетельствуют о той важности вклада, который был сделан в этой области на московской встрече в верхах.

«Результаты недавней советско-американской встречи на высшем уровне и переговоров между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном означают эффективное содействие разрядке международной напряженности и укреплению мира», — заявил на днях генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра.

С подобной оценкой согласны миллионы людей земли.

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Халина СКИБНЕВСКАЯ,
вице-маршал Сейма Польской
Народной Республики, архитектор

Какой будет архитектура завтрашней Польши, Польши двухтысячного года? Мы уже это видим: то, что строится сегодня, будет жить и в двухтысячном году. Это накладывает большую ответственность. В послевоенные годы первой нашей задачей было восстановить разрушенное, дать людям крышу, и поэтому главным в те годы было количество. Теперь стоит проблема качества. Мы стали лучше жить, сейчас в Польше происходит небывалый подъем в области экономики. И нужно ответить на это решительным улучшением качества строительства.

Весь мир протестует против казенных, однотипных, массовых застроек. И мы должны учесть справедливость этого протеста. Строя типовые дома, нужно научиться создавать элементы, с помощью которых можно строить быстро, индустриальными методами и получать разнообразные архитектурные решения. Красота новых кварталов Варшавы будет не только в красивых фасадах или архитектурных силуэтах, но, главное, в том, что каждая семья новоселов получит настоящий комфорт. Ибо для человека первое и основное в новом доме — это квартира. Я вижу новые дома с большими террасами, балконами, окруженные пышной зеленью. Очень важно, чтобы пространство между строениями было тоже архитектурно решено. Здесь огромную роль сыграют зеленые насаждения, бассейны, маленькие прудики. Думается, возможно в одном квартале высаживать березы, в другом — каштаны, в третьем — липы. Это создаст широкий диапазон, разнообразие, характер каждого отдельного квартала. Большую роль должен сыграть также синтез архитектуры с искусством — фреской, мозаикой, скульптурой, витражами... Мы хотим, чтобы человек любил свой дом, чтобы дети вспоминали свой дом. Но для этого мы должны его создать таким, чтобы его можно было запомнить. В самом деле, ведь ни для кого не секрет, что если дом имеет длину 500 метров и высоту 20 этажей, то не только малыш, но даже и взрослый едва ли найдет свой подъезд, не говоря уже о своем окне. Думаю, что будущее за архитектурой более человеческой. В свое время я участвовала в проектировании застройки района Сады Жолибожские. И сейчас, посещая эти кварталы, с удовлетворением вижу утопающие в зелени дома, уютные площадки, где играют дети...

Недаром я столько говорю о зелени. В наших странах, Советском Союзе и Польше, планомерно озеленяются города. Приехав в Москву на Всемирный конгресс миролюбивых сил, я была счастлива, когда увидела зеленые массивы новых кварталов, парков. Социалистический строй позволяет осуществлять самые смелые замыслы зодчих, воплощать в жизнь генеральные планы городов.

В Варшаве многое уже успели сделать в этой области. Мы как бы создали зеленую раму для нашей красавицы Вислы; добились того, что огромные новые застройки Варшавы не оголены: их окружает зелень. Надо сделать так, чтобы природа пришла в каждый дом, в каждую квартиру. Я мечтаю, чтобы каждый житель города посадил около своего дома дерево. Это можно было бы назвать условно игра в зеленое. Верю, что многомиллионные читатели «Огонька» поддержат мое предложение и примут участие в этом благородном начинании.

ГОРЖУСЬ СВОЕЙ СТОЛИЦЕЙ

Малгожата КАСПШАК, учащаяся

Я варшавянка, мой отец Хенрик Каспшак — слесарь. Мама Ядвига — портниха. Я окончила экономический лицей, отделение внешней торговли. Получила аттестат зрелости. Хочу учиться дальше в экономическом институте. Неплохо знаю русский язык, много лет изучала его в школе и в лицее. Очень люблю русскую литературу, много читаю, особенно мне дороги Пушкин и Есенин. Люблю романтические ранние произведения Горького «Песню о Буревестнике», «Песню о Соколе» и особенно «Старуху Изергиль». Вы встретили меня на Старом Мясте. Я часто бываю здесь, потому что с ним связано воспоминание о моем детстве. Мы еще девочками приходили сюда. Было так страшно и грустно, ведь нас окружали развалины. Теперь все восстановили. И это просто как в сказке. Я иду сюда помечтать, вспоминаю любимые стихи Мицкевича, припоминаю чудесных героев романов Сенкевича.

Очень бы хотела поехать в Москву, увидеть старинные русские памятники культуры. Наша учительница привезла из Москвы много прекрасных фото, репродукций. Показывала их нам и рассказывала о достопримечательностях вашей столицы.

Изучаю еще и немецкий язык. Наши народы теперь дружат. Я знаю, какую роль играет Совет Экономической Взаимопомощи. Мы чувствуем, как налаживаются более тесные контакты между социалистическими странами. Читаю об этом в газетах «Штандар млодых» и в вашей «Правде». Мы все очень ждем праздника 30-летия освобождения. В эти дни все поляки как бы оглядываются вокруг и с радостью видят, как много нового и доброго сделано за последние годы. Каждый гражданин Польши в эти дни особенно гордится своей родиной, своей столицей, всей нашей новой жизнью.

Юзеф Хелмоньский. 1849—1914. АИСТ. 1900.

Национальный музей в Варшаве.

Юзеф Брандт. 1841—1915. ВСТРЕЧА НА МОСТУ. 1888.

Национальный музей в Кракове.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Ярослав ИВАШКЕВИЧ

ЧЕТЫРЕ СТИХИИ

Збигневу Херберту.

Миром правят
четыре стихии:

земля, огонь, вода
и воздух.

Из огня война получается,
из воздуха — воздух,

из воды — лодки, дома надводные,
деревья,
желтые и белые кувшинки,
рыбы, облака,
и небо,
и дожди,
и человек,
и все дела людские,

а из земли — зерно.

Мечислав ЯСТРУН

У ИСТОКОВ МИРА

Вначале я видел каждую вещь вблизи,
насколько мне позволяли увидеть
узкие щели,

потом видел горы, долины, моря и архипелаги
и то, о чем уже знал, что оно должно
существовать ради меня.
Ища вслепую и будучи сонным,
я прозрел, чтоб увидеть нутро вещей,
повергающее человека в смятение:

всю наготу планеты,
скалы без моха,
деревья совсем без коры,
беззубые челюсти,
красоту без эмоций...

Львиные когти терзают песок раскаленный,
ястребиные когти вонзаются в тело
трепещущей жертвы.

Расстояния сократились
и постепенно исчезли вовсе...
И вот я снова у истоков мира
и вижу ослепительные зори,
которые бьют крыльями своими
по синей глади океана.

Богдан ДРОЗДОВСКИЙ

ДЕНЬ ПОМИНОВАНИЯ

(Из поэмы «Моя Польша»)

Ищу вас, родные!
Где вы?
Дороги раскисли,
на дорогах осень.
Ищу вас!

Отец!
Отец мой!
Ты сидишь над стаканом водки.
В глазах твоих красные прожилки.
Ты поешь.
Ах, как ты поешь!
Такой бас
есть только у леса,
у старой дубравы...

Шуршат под ногами листья,
дубовые листья.
Шум уже умер,
осталось шуршанье.
Как же найти тебя
в этом шорохе?

Я был такой маленький,
а ты — огромный,
в сапогах со шпорами,
с кавалерийской саблей,
стройный, как пирамидальный тополь.

Тополь уже без листьев.
Осень.

Отец!
Зачем ты меня покинул?
Где найду я прах твоих рук,
которые больше меня не обнимут
и к которым я не смогу прижаться губами?

Где же погиб ты?

Ах, как жаль, что не знаю,
где венок возложить,
чтоб почтить твою память!
Ты исчез, как горное эхо,
и, словно эхо, стучишься в сердце,
и все бродишь по Польше,
как неприкаянный.

Я головой прижимаюсь
к облаку,
словно к твоей груди,
я ищу в нем тепла
и смотрю
в глаза твои —
в звездные очи.

Казимеж А. ЯВОРСКИЙ

ДВЕ МАТЕРИ

Близ Волги, где синие плесы,
где сизый клубится туман,
над могилою шепчут березы:
«Здесь погиб польский воин Ян».

Где Вислы плещутся волны,
где в лугах пахнет медом трава,
под теплым покровом дерна
спит русский танкист Иван.

Над Волгой старушка седая
к могилке поляка пришла
и, слезы платком утирая,
две свечки сразу зажгла.

А над Вислою полька-крестьянка
принесла Ивану сирень:
«Может, и там над Янеком
кто-то всплакнет в этот день...»

Над обеими реками грустно
поют соловьи о том,
как пали поляк и русский,
сражаясь с общим врагом.

Тадеуш РУЖЕВИЧ

ТАНК-ПАМЯТНИК

Танк —
бронированный череп
на гранитном постаменте —
памятник сгоревшим людям
среди тихого сквера.

Берегите цветы и зелень!

Здесь много лет назад
из черной бронированной башни
выскочило живое пламя
и погасло,
захлебнувшись криком.

Пылают алые розы,
леса
объаты золотистой тишиной,
сияют названия
восстановленных городов.

Чтите живое пламя,
которое ради свободы нашей отчизны
погасло,
будучи юным и ярким.

Станислав Р. ДОБРОВОЛЬСКИЙ
ПОЛЬША

Ты спрашиваешь: что такое Польша?

Это голубоглазые
придорожные незабудки,

это вешние воды,
блестящие на лугах,

это девушки,
что проходят межою
по золотому пшеничному полю
и глядят руками колосья,

это линия высокого напряжения.

Здислав ПЫЗИК

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Родная песня фронтовая,
прославь в веках победы наши,
отвагу тех, кто, невзирая
на шквал огня, шел в бой бесстрашно!

Чтобы во время нашей встречи
душа у каждого запела,
давайте вспомним день, пришедший
к нам с польским флагом красно-белым!

Пришел он в Польшу с автоматом,
овеян славою нетленной,
в шинели русского солдата
и в каске с польскою эмблемой!

Переводы Владимира Честного.

Конкурс «Моя встреча с Польшей» завершается. «Огонек» благодарит всех читателей, которые приняли в нем участие.

Список победителей, получивших право на туристическую поездку в Польшу, будет опубликован в одном из ближайших номеров журнала, так как материалы на конкурс еще продолжают поступать и жюри должно ознакомиться со всеми работами.

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ

«Добрый день, дорогая именинница Польша! Тебе, в прошлом многострадальной, а ныне счастливой и цветущей, — наши поздравления в дни тридцатилетия» — так начинается письмо Михаила Архиповича Родионенко, учителя-биолога из Томской области, одного из участников конкурса читателей «Моя встреча с Польшей». Вопросы этого конкурса были опубликованы в 17-м номере «Огонька». Ответы на них пришли со всех концов нашей страны, от людей разных возрастов и профессий. Самыми первыми откликнулись, конечно, участники Великой Отечественной войны, те, кто освобождал Польшу от фашизма.

«Прошел, пробежал, прополз, прошагал всю Польшу от восточной ее границы через Хелм, Люблин, Магнушев, Лодзь, Познань, Кюстрин. Очень сердечно встречали нас, освободителей», — пишет инженер-геолог из города Кировска А. В. Куделин. — Побывал я и в Майданеке, где фашисты уничтожили полтора миллиона людей. В боях на Магнушевском плацдарме погиб мой друг Пётр Хлюстин. По смертному он удостоен звания Героя Советского Союза. Я был ранен на Висле 13 августа 1944 года...»

«Наш 526-й Никопольский пять раз орденноносный полк потерял в боях за освобождение Польши почти весь свой личный состав. В живых осталось около 50 человек». Это из письма Н. Федорова (Москва).

«Ленино — наши смоленские места. Значит, на нашей смоленской земле начались совместные бои Первой польской дивизии имени Тадеуша Костюшко и 33-й армии Западного фронта», — пишет библиотечкарь Людмила Васильевна Мазаева.

Здесь, на этой земле, в одном строю с польскими воинами сражался Д. С. Казаков. Он вспоминает:

«Осенью 1943 года наш полк оказался на границе того участка фронта, который был отведен первой дивизии польских патриотов под Ленино. Я видел своими глазами, как храбро сражались наши друзья. В 1944 году в должности командира дивизиона я воевал в составе 10-го минометного полка 1-й минометной бригады 1-й польской армии. Я с гордостью носил польскую военную форму. Наш дивизион форсировал Одер, участвовал в наступлении на Берлин. Заместителем моим по политчасти был поручик Ян Дычко. Если бы он прочитал эти строки, то смог бы восстановить связи со многими нашими однополчанами.

«С Польшей связана вся моя фронтальная жизнь», — рассказывает бывший минер Мухтар Юсупович

Кулманов из Новоорска, Оренбургской области. — Мне, сыну казахского кочевника, довелось сражаться вместе с польскими солдатами. Командование направило меня во вновь формируемую часть польской армии (это было недалеко от Луцка) для преподавания и применения на практике минного дела. Польские товарищи по оружию встретили нас очень гостеприимно, радостно. Каждый солдат предлагал место в своей землянке, дарили значки, ремни, портсигары. Позанимались мы три недели. А потом сопровождали в тыл врага нашу разведгруппу. За отличное выполнение боевого задания польские минеры и я были отмечены боевыми наградами.

И еще один случай. После сильной бомбежки горел поселок, название не помню, где-то западнее Сандомира. Ко мне подбежала пла-

вич Лобачев 1924 года рождения воевал в Польше и погиб там 14 марта 1945 года. Мне хочется выразить свое уважение стране, в земле которой лежит мой мальчик, воин Красной Армии».

Советско-польское содружество, скрепленное кровью, пролитой в совместной борьбе с фашизмом, продолжало крепнуть в послевоенные годы.

«Мое знакомство с Польшей началось в послевоенный период, — рассказывает ленинградка Н. Моногарова. — Мой отец был направлен в Гдыню для оказания помощи в восстановлении польского флота. Мы жили на улице Бема, а училась я в интернате в Варшаве. В то время по улицам ходили активисты с железными коробочками-

Журналу «Польша» хочется сказать: «Молодцы! Так держать! Спасибо». О чем хотелось бы прочитать? У меня пятилетний сын. Желательно узнать, как у вас решается проблема воспитания послушных мальчишек в этом возрасте. По специальности я химик-технолог, и, естественно, самое большое желание — познакомиться, побеседовать с польскими химиками, работающими в области синтетических материалов».

«В июле 1969 года к нам в Горно-Алтайск из ПНР прибыл студенческий строительный отряд «Дружба». Польские студенты работали на строительстве мясокомбината, помогали возводить жилые дома. Работу свою они сдали с оценкой «отлично».

А. Слесарева
(комсомольская ударная стройка
Тюмень — Сургут).

В письмах, присланных на конкурс, читатели сообщают много интересных сведений о работе Общества советско-польской дружбы. Приведем только два примера. Доктор Н. В. Базанов из Ленинграда пишет:

«Ежегодно в Ленинграде торжественно отмечаются «Дни Гданьска», одна из наших улиц носит имя породненного города в Польше. Весь Гданьск знает «Ленинградские дома», построенные приехавшими с берегов Невы домостроителями. Каждое лето мы встречаем польские корабли, на которых из Гданьска приезжают делегации активистов Общества польско-советской дружбы.

Свой вклад в развитие дружественных отношений между нашими странами вносит и Медицинский институт имени академика И. П. Павлова, в котором я работаю. У института установлены научные связи и студенческий обмен с Гданьской медицинской академией. Институт активно участвует в проведении дней польской науки в Ленинграде.

В настоящее время студентка Кристина Пацоха, приехавшая учиться в наш институт из Польши, работает под моим руководством над темой, посвященной работе в Варшавском университете известного русского медика Н. И. Лунина. В 1973 году в журнале «Советское здравоохранение» опубликована моя рецензия на книгу польского историка медицины Гжегожа Федоровского «Шеренга великих медиков», выпущенную польским издательством «Наша ксенгария» на русском языке и завоевавшую большую популярность у советских студентов-медиков.

Хочется пожелать, чтобы в дальнейших планах общества было бы больше встреч по профессиям, шире практиковался обмен опытом».

А вот сообщение из Харькова: «В 1960 году здесь создано от-

МОЯ
ВСТРЕЧА
с ПОЛЬШЕЙ
КОНКУРС
ОГОНЕК

чувшая женщина. В горящем доме осталась ее двухлетняя дочка. Я вынес девочку из огня. Потом пролежал две недели в госпитале — получил ожоги. Эта женщина разыскала меня и ходатайствовала перед командованием, чтобы меня наградили. Так я получил медаль «За отвагу».

Вспоминая историю тридцатилетней давности, хочется отметить, что именно социализм спас польскую нацию от гибели. Пусть Польши и социализму оплачен дорогой ценой — жизнями польских и советских воинов. Лучшим памятником солдатам стала новая, социалистическая Польша».

Письмо из Риги, от Антонины Гуговны Лобачевой. В конверт вложена «похоронка» и фотография могилы, утопающей в цветах. Антонина Гуговна пишет:

«Мой сын Владислав Владимиро-

копилками на ремешке через плечо и собирали средства на восстановление столицы. Когда мы с отцом опускали монеты в копилку, на платье мне прикалывали флажок (билетик), подтверждающий наш взнос.

С тех пор я стала «внештатным» пропагандистом польско-советской дружбы.

Теперь я инженер, занимаюсь исследованиями в области производства бумаги из синтетических волокон. Наше объединение участвует в научно-техническом сотрудничестве между ПНР и СССР в области целлюлозно-бумажной промышленности. Читаю журналы «Польша», «Кобета и жиче», «Пшия-телна», газеты «Трибуна люду», «Жиче Варшавы». Нравится стиль, метод, простота, доходчивость, увлекательность изложения. Наиболее интересные статьи нам переводит отец, и мы с удовольствием слушаем всей семьей.

деление Общества советско-польской дружбы. Среди его коллективных членов — заводы, вузы, библиотека имени Короленко, 44-я школа. Деятельность отделения направлена на расширение и укрепление деловых контактов между Харьковской областью и Познанским воеводством. Это и обмен опытом работы и встречи студентов Познанского политехнического института со студентами Харьковского педагогического института. Польские харцеры отдыхают в наших пионерских лагерях, а харьковские пионеры — в польских.

Харьковское отделение общества послало вагон саженцев для аллеи дружбы в парке — памятнике польско-советской дружбы, который разбит на окраине Познани, близ Цитадели. В Центральном лектории проводятся лекции «Освобождение Польши», «Советско-польский договор», «Варшава», «Польша индустриальная». Устраиваются выставки картин, фотографий, плакатов. В магазине «Книжный мир» каждый год проходит декада польской книги.

На мой взгляд, нашему отделению общества надо подумать о расширении гласности работы, больше рассказывать о ней в местной печати и особенно по телевидению.

Хотелось бы, чтобы в Харькове появилось кафе (клуб, кафетерия, бар), где можно было бы почитать польские газеты, журналы, ознакомиться с книжными новинками, получить справку о туристических маршрутах, приобрести туристическую путевку, а если располагаете временем, то и ответить польской кухне».

Инженер А. Одиноц

Еще одно пожелание — от Е. Кузьминой, монтера телеграфной аппаратуры из Горького:

«Хотелось бы, чтобы Общество дружбы организовало по телевидению встречу с первой польской женщиной — капитаном дальнего плавания Данутой Валес-Кобылинской».

В деревне Лысая Гура работает художник Болеслав Ксенжик. Хотелось бы больше узнать о его жизни, его работах».

О том, что гости из Лодзинского воеводства часто бывают в Смоленске, мы узнали из письма работницы электролампового завода В. Грищенко из Смоленска.

«А я летом 1969 года вместе с новгородским ансамблем песни и танца «Святязь» ездил в гости к жителям Белостокского воеводства, — рассказывает учитель Лопатинской средней школы С. Ф. Сушинский (Гомельская область). — Нам очень хорошо принимали, приглашали в дома. Во время выступления устанавливалась душевная связь со зрителями. На память об этой поездке у меня сохранилась фотография. Посылаю ее в «Огонек». Во время плавания по Августовскому каналу я снялся с польскими школьниками Эльжбетой Моравской и Алицией Прухор».

Когда возвращались домой, на границе встретились с польским ансамблем, который выступал в Белоруссии».

«В Польшу я не был. Но мне знакомо бюро путешествий «Орбис». Могу назвать не один маршрут по Польше. Я знаю многие исторические места, достопримечательности, музеи. Могу, на худой конец, подменить гида в поездке по Польше. Но это, конечно, шутка. Вы спросите, откуда такие познания? Из книг, газет, журналов. Слушаю передачи польского радио «Говорит Варшава»».

Если бы мне посчастливилось поехать в Польшу, то из всех 14 маршрутов, которые предлагает «Орбис», я выбрал бы № 4 Варшава — Кельце — Краков — Щецин — Закопане. Почему именно этот? По профессии я агроном, люблю природу и в первую очередь хотел бы посмотреть на Татры с птичьего полета».

А. Гонтаровский
(г. Васильнов, Киевская область).

А теперь откроем альбом, который прислала 13-летняя школьница из поселка Приютово, Башкирской АССР, Валя Закомлистова. Читаем:

«Сегодня прибыли в Варшаву. Я решила вести дневник. Итан, день первый. Сегодня идем на завод имени 1 Мая. От центра, где мы остановились, до завода 17 минут. Когда мы приехали, рабочий день уже начался. Поговорим с директором завода Вальдемаром Юрковским. Сейчас мы зададим ему несколько вопросов».

— Скажите, почему ваш завод, далеко не самый современный, стал ведущим предприятием организованного в 1970 году комбината?»

Перелистаем несколько страниц Валиного дневника. Читаем дальше: «Лодзь. Завтра утром пойдем в институт трудовой медицины. В его 11 отделах работают 350 человек. Нашим экскурсоводом будет заместитель директора института Збигнев Ковальский».

Еще страницы, исписанные старательным детским почерком: «Краков, Металлургический комбинат имени Ленина. До меня доносится голос экскурсовода: «Это один из крупнейших заводов Польши. Его домы работают на советской руде...»

Валя никогда не была в Польше. Дневник, строки из которого мы процитировали, девочка вела во время воображаемого путешествия по Польше. «Я побывала там при помощи книг, журналов. Мой маршрут был Варшава — Лодзь — Краков. Я рассказывала об этих городах. Может, не очень правильно, но я так представляю себе эти города. Когда вырасту, я обязательно побываю там. Я не теряю надежды».

Самый старший по возрасту участник конкурса, Александр Фаддеевич Абрамов, просит передать польскому ученому Тадеушу Котарбинскому свою коллекцию поговорок и пословиц народов СССР, а также книгу «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков». А для польских женщин Александр Фаддеевич посылает книгу «Армянская кулинария».

Конкурс завершается. «Поверьте — очень жаль расставаться с ним, как жаль расставаться с хорошей книгой, с друзьями, которые навсегда останутся в памяти».

По моему глубокому убеждению, такие конкурсы служат интересной и увлекательной формой познания страны, духовно обогащают, способствуют сближению советского и польского народов».

В. Казан (г. Орел).

Подавляющее большинство наших читателей подробно ответили на все восемь вопросов. Но, пожалуй, самыми интересными были ответы на девятый вопрос — почему вы решили принять участие в конкурсе.

Вот всего лишь несколько ответов на этот вопрос:

«Оставил в земле Польши своих друзей». А. Гаран, г. Симферополь. «Конкурс посвящен памяти моего отца, погибшего в 1944 году в дивизии имени Т. Костюшко». Е. Радзивон, почтовый служащий (Гродненская область). «Очень хочется узнать, есть ли кто живой из семьи Гиляра Сидлярчука. Эти люди приютили меня, 15-летнего подростка, когда я бежал из концлагеря в Белостоке в 1944 году. Хотелось бы выразить благодарность людям хорошей души». В. Копытков, г. Борисов. «Много интересного за 30 лет стало в Польше». А. Грибачевский, г. Красноярск. «Потому что радуюсь успехам Польши». Н. Аверкин, село Крещено-Гай, Рязанская область. «Считаю, что просто необходимо знать, как живет братский народ». Ю. Колесников, курсант военного училища, г. Ленинград. А Мурад Нурбаев из Самарканда, Султана Размадзе из Тбилиси, Мария Горинюк из Львова и еще многие другие наши читатели написали так: «Потому что люблю Польшу».

ОКЕАНСКИМ ШАГОМ

Они строят корабли.

Первенец верфи, спущенный на воду полвека назад.

Станислав Новак, секретарь местного комитета
Союза социалистической молодежи.

З

наете ли вы, что пятая часть кораблей, плавающих сейчас под советским флагом, построена в Польше? А ведь республика поставляет суда не только нам. Ныне она стала крупной судостроительной страной. Так, по тоннажу спускаемых ежегодно на воду рыбопромысловых судов Польша занимает попеременно с Японией первое или второе место в мире.

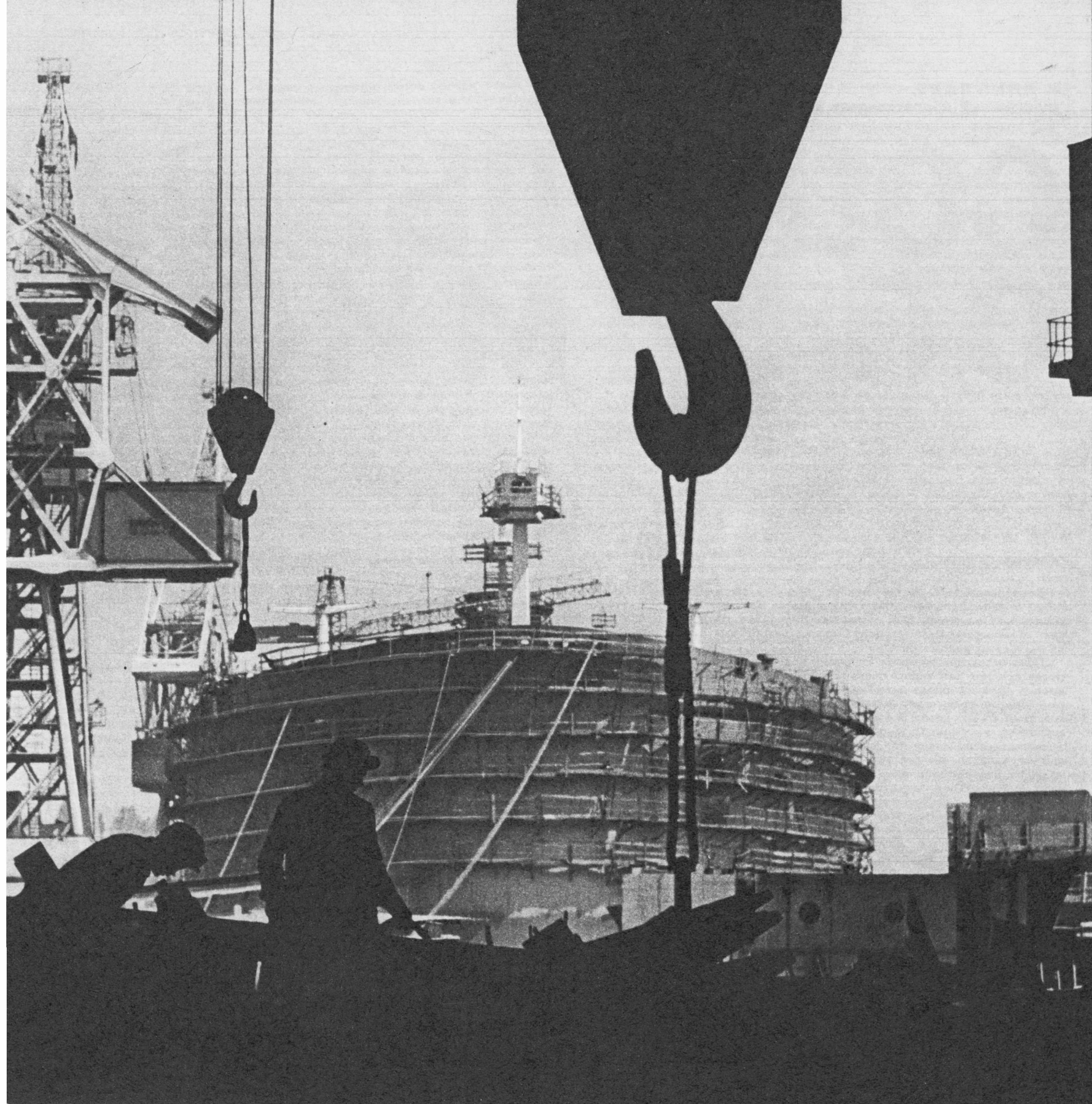
Гдыньская верфь имени Парижской коммуны — один из главных судостроительных центров страны. Ей недавно перевалило за пятьдесят, но вся ее предыдущая довоенная история — это рассказ о небольшом предприятии. О нем напоминает стоящий во дворе верфи построенный в 1922 году корабль водоизмещением в 28 тонн. А сегодня здесь, помимо других заказов, строят сразу три корабля по 105 тысяч тонн водоизмещения каждый. С чем можно сравнить такой корабль, чтобы и дале-

кий от моря человек ощутил его масштабы? Разве что только с большим современным десятиэтажным домом, вытянутым на пол-улицы.

Эти три гиганта строятся для Советского Союза (польское судостроение вообще так далеко шагнуло вперед благодаря советским заказам). Первый недавно спущен из сухого дока на воду, где сейчас и достраивается. У него уже есть имя — «Маршал Буденный». Второй еще высится в сухом доке. А рядом с ним уже громоздятся секции третьего корабля из этой серии.

Нас знакомит с верфью секретарь местного комитета Союза социалистической молодежи Станислав Новак. Прежде чем стать здесь вождем молодежи, Станислав несколько лет проработал на разных участках верфи и потому знает ее превосходно. Мы не случайно идем именно с таким гидом: средний возраст рабо-

Фото М. САВИНА

Здесь рождаются океанские суда.

тающих здесь — 27 лет! На каждом шагу нам встречаются молодые, энергичные парни в разноцветных касках.

— Первым кораблем, построенным по заказу Советского Союза, — говорит Станислав, — был «Мелитополь». Он спущен на воду в 1951 году. Интересно, где он сейчас? Не могли бы вы навести справки о нем? Нам это было бы очень интересно узнать.

В то время, когда строили «Мелитополь», Станислав еще под стол пешком ходил, а сегодня он с гордостью чувствует себя продолжателем дела старших.

— На верфи 2 500 членов Союза социалистической молодежи, — продолжает свой рассказ Станислав Новак. — Мы взяли шефство над постройкой этих трех гигантских кораблей для Советского Союза. Шефство самое конкретное. Началось оно с конструкторского бюро верфи,

когда корабли эти рождались еще на чертежной бумаге. Молодежь конструкторского бюро проявила немало инициативы и смекалки, чтобы ускорить эту стадию работ и сделать все на самом высоком уровне. Так от рождения корабля до заключительных этапов работ молодежь вносила и вносит свой вклад в строительство «Маршала Буденного» и двух его еще не получивших имен собратьев (имя дается при спуске из сухого дока на воду). На «Маршале Буденном», например, предполагали поднять флаг в самом конце 1974 года, а шефствующая над ним молодежь дала слово сделать это в октябре. И сделает!

Мы идем со Станиславом по обширным владениям верфи и наконец подходим к высоченному борту «Маршала Буденного». На лифте, которым ловко управляет белокурая девушка, быстро поднимаемся на палубу и потом долго

бродим по ней, большой, как футбольное поле, поднятое над верфью на высоту птичьего полета.

Мы не скрываем своего восхищения и кораблем и открывающимся с него видом, а Станислав продолжает:

— Конечно, 105 тысяч тонн — это немало. Но у нас на очереди постройка судов в 250 и 400 тысяч тонн. К 1977 году намерены значительно расширить масштабы работы верфи. Ее продукция увеличится почти в четыре раза по сравнению с 1970 годом. А общая сумма средств, которые будут вложены в дальнейшее развитие верфи, составит несколько миллиардов złotych.

Да, поистине океанским шагом идет вперед Гдыньская верфь!

В. ДМИТРИЕВ

Гдыня.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ

«Если коротко сказать о главном, что, по нашему мнению, характеризует сегодня жизнь польского общества, то это — социальный оптимизм, ясное понимание того, что сделано и что предстоит сделать, хорошие перспективы на будущее».

Л. И. БРЕЖНЕВ

ОБЫЧНЫЕ СУДЬБЫ

Этим летом мне посчастливилось проехать на машине по Польше. Когда кольцеобразный маршрут, начатый в Варшаве, там же и завершился, наш водитель Ежи Малишевский не без гордости констатировал: «Три тысячи километров!» Сколько интересных людей повстречали мы на этих километрах!

Первым из них оказался Ежи, наш водитель. Скромный и тихий человек средних лет, видно, очень мягкий и добрый, он с уверенной легкостью профессионала лихо гнал машину по отличным польским дорогам. Долгое совместное путешествие немислимо без беседы, неприхотливый сюжет которой меняется так же быстро, как виды за окном мчащейся машины. О многом мы успели с ним поговорить. Когда проезжали неподалеку от Освенцима, где погибло около четырех миллионов узников разных национальностей, большей частью польских граждан, Ежи сообщил нам, что в свое время сидел в этом самом большем из всех гитлеровских концлагерей. Попал он туда, когда ему было пятнадцать лет. Ежи бросили в лагерь вместе с отцом за участие в восстании 1944 года. Отец погиб в Освенциме. Ежи был затем переведен в Дахау, откуда и вышел на свободу.

— Ехал я обратно домой, — вспоминает Ежи, — на товарной платформе советского эшелона. Кроме других таких же, как и я, бывших узников, был на нашей платформе и еще один освобожденный «поляк» — скульптура Христа, согнувшегося под крестом.

Эта скорбная фигура знакома всей Варшаве. Она возвышается у входа в костел Святого креста, что стоит на улице Краковское предместье. Занимаясь систематическим и планомерным грабежом Польши, гитлеровцы вывозили оттуда и всевозможные скульптуры. Среди них оказалась и эта статуя. Снова заняла она свое место после войны, воплощая отныне не только библейскую легенду, но и суровую, страшную память о войне.

Глядя на скульптуру, нельзя не думать о том, какой тяжкий крест испытаний пронес польский народ в годы второй мировой войны. Но не просто пронес, согнувшись под их тяжестью, а пронес их в жесточайшей борьбе, о которой сегодня рассказывают потомкам тысячи, сотни тысяч свидетелей и свидетельств, даже камни костелов и изображения святых.

В те грозные годы Польша потеряла более одной пятой (точнее, двадцать два процента) своего населения, это значит свыше шести миллионов человек. Но умирили они не на коленях. Они пали в борьбе.

Из братской Советской страны пришла заря освобождения. Ее принесли на своих штанах не только наши, но и польские воины. На территории Советского Союза была сформирована 1-я польская армия. Ее численность к весне 1944 года превысила сто тысяч человек, а в августе того же года уже на освобожденных польских землях началось формирование 2-й польской армии. Весной 1945 года, на завершающем этапе войны, в двух армиях Войска Польского было сто пятьдесят тысяч воинов. Тысячи патриотов героически сражались с гитлеровцами в подполье. Около ста десяти тысяч польских солдат и офицеров входили в боевые соединения на Западном фронте, участвовали в боях за освобождение Франции, Голландии, Бельгии.

И еще страница истории. О ней говорит Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек:

«Польский народ всегда будет глубоко чтить память 600 тысяч солдат Советской Армии-освободительницы, отдавших свою жизнь на польской земле в совместной борьбе за свободу. Мы выражаем глубокую благодарность и уважение всем советским ветеранам второй мировой войны. Их подвиг и рожденное в то время братство по оружию Советской Армии и Войска Польского навсегда скрепило дружбу наших народов».

Живое воплощение этих проникновенных слов о нашей дружбе —

судьба полковника Мечислава Юхневича, одного из тех, кто начал свой ратный путь к освобождению Польши на советской земле.

В 1942 году он стал членом нашего партизанского отряда, действовавшего в Западной Белоруссии. Немало боев на счету партизана Юхневича — он был в отряде до 1944 года. Вместе с ним, плечом к плечу, сражалась с фашистами и его жена. В партизанской землянке она родила дочь. Вместо погремушек первыми игрушками малышки были патроны и гильзы.

В 1944 году Мечислав Юхневич стал бойцом 2-й польской армии и закончил войну уже на территории Германии.

Типичная судьба поляка XX века! Юхневич — один из четверки друзей, с которыми я беседую. Вацлаву Юргелевичу недавно перевалило за 50, он почти на десять лет моложе Юхневича, но этим исчерпываются существенные различия в их биографиях. В 1943 году Вацлав начал под руководством советских наставников осваивать военное ремесло под Рязанью. До сих пор с нежностью вспоминает он нашу красавицу Оку, чарующие сердце и взор исконно русские места. С 1-й польской армией он прошел от Рязани до Берлина.

Третий из моих собеседников, Владислав Ковзанович, родился в 1919 году. Верность родине и своему народу тоже привела его в 1943 году в рязанские края. И он, как и Юргелевич, закончил войну в рядах 1-й польской армии под Берлином.

И, наконец, Адольф Стажец, самый седой ветеран из этой четверки. Ему 65. Коммунист с 1931 года. Он не по книгам и рассказам, а на собственном опыте еще до войны познал, кто враг и кто друг Польши. И естественно, что Адольф Стажец стал одним из первых в ряды польских войск, формировавшихся на берегах Оки. Свою долгую борьбу за освобождение Польши Адольф Стажец завершил в мае 1945 года в Праге. А потом принялся за строительство новой Польши, вернулся на партийную работу...

И наш водитель и эти четыре ветерана — все они люди среднего и старшего поколения. Но судьбы Польши и нашей страны так близки и переплетены друг с другом, что это отражается и в биографиях младших поколений.

Судостроителю Франтишеку Надольскому еще нет и тридцати. Его родители познакомились в Германии, в гитлеровском рабочем лагере. Там на исходе войны и родился Франтишек. Отец погиб. Мать встретила русского геолога Бориса Терентьева, и они неразлучны до сих пор. Сейчас живут в Минске, там же работает Олег, брат Франтишека. Кстати, сам Франтишек уже отец двух дочерей. Так и живет польско-советская семья Надольских-Терентьевых на землях Польши и Советского Союза, двух братских-стран.

Братских в самом полном и чистом смысле этого великого слова. Братских по совместной борьбе, трудностям и страданиям, потерям и пролитой крови, подвигам и свершениям.

Братских по духу, по общим родникам культуры. Дружбой двух гениев, Пушкина и Мицкевича, освящено это братство.

Братских по идеологии, по долгой общей борьбе за идеалы марксизма-ленинизма. Многих известных деятелей польского рабочего движения, таких, как Феликс Дзержинский, Юлиан Мархлевский, Феликс Кон, связывали узы дружбы и совместной работы с Владимиром Ильичем Лениным. И знаменательно, что Владимир Ильич жил в Польше в 1912—1914 годах в Кракове и Поронине, имел возможность непосредственно познакомиться с польским рабочим движением.

Сегодня наше кровное братство дает свои замечательные плоды.

СТАЛЬНАЯ ЭСТАФЕТА

Как быстро летит время! Казалось бы, еще вчера писали и говорили о создании комбината имени Ленина в Новой Гуте, а сегодня этот гигант польской металлургии уже подошел к своему 25-летию!

Этот богатырь — краса и гордость самого индустриального в стране

Катовицкого воеводства. Он один производит втрое больше стали, чем давала вся металлургия буржуазной Польши, изделия его экспортируются в 45 стран.

Комбинат имени Ленина — один из многих живых символов дружбы и братства народов Польши и Советского Союза. Предоставленные в 1948—1950 годах нашей страной кредиты Польше, а также поставки советского оборудования позволили мечтам о большой польской металлургии стать явью. А 1948—1950 годы были, как известно, нелегкими для нашей страны, восстанавливавшей свое хозяйство после разрушительной войны. Понимаем это не только мы. Понимают и поляки.

Кстати, те же наши кредиты и поставки предназначались не только для одного комбината имени Ленина, но и для Ченстоховского металлургического комбината имени Берута, металлургического комбината «Варшава», завода легковых автомобилей в Варшаве, Дыховской электростанции, Вежбицкого цементного завода и других предприятий. Эта и другая наша конкретная помощь новой Польше сегодня воплощается в таких красноречивых цифрах: в общей сложности в Польше работает свыше ста новых крупных промышленных предприятий, полностью оснащенных советским оборудованием, свыше двухсот объектов модернизировано благодаря поставкам нашего оборудования, а еще на трехстах работают советские машины.

Но вернемся к металлургии, точнее, к польской стали. Комбинат в Новой Гуте скоро перестанет быть самым крупным металлургическим центром в Польше. Его оттеснит на второе место строящийся сейчас комбинат «Катовице». С его историей, настоящим и будущим нас знакомит Стефан Вуйчик, главный специалист комбината по вопросам комплектации и оборудования. По своей должности он, разумеется, лучше всех знает, что и откуда приходит на сооружаемый комплекс.

Незадолго до встречи с нами Стефан Вуйчик вернулся из Кракова, с заседания местного отделения Общества польско-советской дружбы. Получилось так, что его рассказ об этом заседании, посвященном грядущему 30-летию народной Польши, был затем проиллюстрирован самими последними цифрами и фактами из жизни комбината «Катовице», говорящими об успехах Польши и о замечательных плодах нашей с ней дружбы.

Сотрудничество наше с польскими друзьями в этом огромном деле началось с совместной работы по проектированию комбината, а сейчас идет полным ходом поставка из Советского Союза многих важнейших элементов его оборудования. Их общий вес превысит 40 тысяч тонн. «Это основа всего», — говорит нам Стефан Вуйчик. А оживет, жарко и мощно задышит все это оборудование за счет местного угля и советской руды из Криворожья. Здесь все будет крупнее, чем в Новой Гуте, особо подчеркивает Стефан Вуйчик и просит обратить наше внимание на такую деталь: строительство займет в четыре раза меньше времени, чем в Новой Гуте. Почему это стало возможным? Благодаря быстрому техническому прогрессу индустриальной Польши.

В 1976 году комбинат выдаст первую сталь. А пока на его необозримой территории кипит стройка. Трудится 14 тысяч рабочих, вооруженных самой современной техникой. К концу этого года будет уже более 20 тысяч строителей. Вместе со Стефаном Вуйчиком мы ездим на машине от одного объекта до другого, пешком здесь не выйдет: ноги протянешь. «Главная стройка страны!» — говорит Вуйчик.

Уже сегодня четко вырисовываются контуры комбината. Завершается закладка фундаментов, стены цехов и башни доменных печей стремительно рвутся к небу. В огромном круглом котловане растет основание доменной печи. Десятка два молодых парней в разноцветных касках несут очередную трудовую вахту. А вокруг строящейся домы ходит инженер-геодезист Мария Фрич-Веселовска, за ней следует ее помощник, техник Ежи Грыхник. Слово портниха на примере, Мария без конца делает какие-то замеры и диктует результаты Ежи, тот записывает. От хрупкой и молоденькой Марии сейчас зависит рост огромной домы с первых же ее метров точно по вертикали.

Новая Гута передает стальную эстафету комбинату «Катовице». Ее принимают надежные руки поколения — ровесника новой Польши.

КИБЕРНЕТИКА И УГОЛЬ

Недавно энергетический кризис потряс основы мира капитала. В числе прочих уроков, которые заправили бизнес пытаются извлечь из него, есть и такой: вспомнили об угле. С развитием атомной энергетики, с постоянным ростом добычи нефти о нем начали было забывать. Польские товарищи говорили мне, что даже у них, в стране с традиционной и по-прежнему перспективной угольной промышленностью, кое-кто считал, что уголь — это уже вчерашний день. А ведь Польша занимает пятое место в мире по добыче каменного и бурого угля.

Наше знакомство с польским углем началось на шахте «Ян», расположенной все в том же Катовицком воеводстве. «Автоматизированная каменноугольная шахта, кибернетическое горное предприятие» — такие слова пишутся в официальных документах сразу после названия этого наисовременнейшего предприятия. Оно расположено в самой сердцевине польских угольных залежей. В этом бассейне, называемом Верхнесилезским, на глубине до тысячи метров залегает примерно семьдесят четыре миллиарда тонн угля. Здесь есть действующие на полный ход шахты, стоящие прямо на центральных улицах больших городов. В отличие от них шахта «Ян» находится в зеленом оазисе. Мало этого. Территория ее совсем не похожа на обычные владения угольной шахты. Если бы не стандартное высокое подъемное сооружение, то ее вообще можно было бы по внешнему виду принять то ли за скромный пансионат, то ли за тихий научный центр.

Нас встретил инженер Фредерик Кульчицкий. У входа в светлое здание он вынул из кармана пластмассовую пластинку, сунул ее в щель в стене, и дверь открылась. С этого мгновения электроника предприятия точно зафиксировала время прихода инженера Кульчицкого. Когда в ту же щель опускает свой пластмассовый пропуск шахтер, то электроника начинает отсчитывать и время его работы, и количество добы-

того им угля, и положенное за это денежное вознаграждение и... много еще самых разных показателей.

Мы проходим к главному пульту управления шахты. Те, кто бывал в центре управления космическими полетами, могут поверить мне на слово, что это помещение на шахте «Ян» очень похоже на космический центр. Я сказал об этом Кульчицкому, и он ответил, что я далеко не первый, кто говорит об этом сходстве.

За пультом управления сидит сменный заместитель директора шахты. Он один управляет работой текущей смены. Перед ним стена с мигающими глазками, которые разбросаны по схеме шахты. Над схемой — несколько телевизионных экранов. Вот вспыхнул еще один огонек на стене. Тут же на одном из экранов появилось изображение: шахтеры заполняют клеть подъемника. Огонек стремительно побежал вниз. И через несколько секунд на другом экране мы увидели, как подъемник остановился и из него вышли, уже глубоко под землей, шахтеры и направились по своим местам.

Сопровождающий нас инженер Кульчицкий сообщает, что это полностью автоматизированная шахта. Ее мозг — электронно-вычислительная машина. Она не только управляет производственным процессом, но и прогнозирует, то есть подсказывает, что и как надо делать в будущем. Оснащена шахта новейшим польским оборудованием, построена она по польскому проекту.

Шахта «Ян» построена за двадцать один месяц — срок, исключительно короткий. Вложенные в нее средства окупались за четыре года. Наконец, чтобы осознать значение этого польского эксперимента, надо вникнуть в несколько цифр.

Производительность шахты — 2 500 тонн в сутки. Работа идет в три смены, каждая — по 70 человек; две смены заняты добычей, третья — ремонтная. А всего на шахте 230 человек. На обычной шахте такого же масштаба — 2 тысячи рабочих. 230 и 2 тысячи — разница! Отсюда и небывало высокая производительность на шахте «Ян» и низкая себестоимость угля.

И уже как само собой разумеющееся видишь прекрасную амбулаторию, профилакторий, настоящую финскую сауну.

Но важны не столько экономические показатели этой шахты, сколько ее революционизирующее влияние на добычу угля в Польше. Шахта «Ян» стала опытным полигоном, на котором отрабатывается и проверяется все новое в угледобывающей промышленности. И вот результат: работа на «Яне» позволила модернизировать более сорока шахт, на которых в результате этого был достигнут трехкратный рост производительности труда.

СОДРУЖЕСТВО

Богата Польша и бурным углем. Мы побывали на разрезе «Туров». Это открытые разработки. Гигантский котлован. Терраса за террасой ступенями обрамляют его дно. Как чудовищных размеров футбольный стадион. Все вместе это называется «поле», площадь его более 600 гектаров. По дну ползает роторный экскаватор, размерами под стать котловану. Высота этого стального «шахтера» — 37 метров, вес — 1 700 тонн. На конце длинной стрелы экскаватора вращающиеся ковши вгрызаются в породу. Срез земли похож на многослойный торт. Слой — пустая порода, слой — уголь. Так что экскаватору приходится выбирать то уголь, то землю.

Об этом большом и сложном хозяйстве нам рассказывает заведующий горными работами инженер Болеслав Дудзик. Он в шахтерской форме, со знаками различия в петлицах, в белой рубашке с черным галстуком, в белой каске. Рослый, могучий, он спокоен, даже медлитель, как человек, уверенный в своих силах. Вместе с ним мы спускаемся в котлован на машине. Дорога петляет, словно в горах. Вплотную к экскаватору подъехать не удается: недавно был дождь, грязь непролазная, а экскаватору на его огромных гусеницах — море по колено. Пробираемся через грязь к нему. Под ногами много деревяшек самой разной формы и размера. Это остатки когда-то росших здесь деревьев. Несколько миллионов лет пролежали они в земле, ее слой над ними превысил сто метров. И вот сегодня можно взять в руки кусок дерева, под кроной которого шла какая-то другая жизнь в незапамятные времена. Удивительно!

Наконец, добравшись до экскаватора. Людей на нем не видно. Еле дозвались. На этой гигантской машине работает четыре человека. В самый разгар смены двое из них, электрик Здислав Олехник и слесарь Мариан Арцимович, спускаются к нам. Мы долго беседуем с ними, фотографируем их, а экскаватор по-прежнему упорно и методично грызет землю. Его хозяева, Здислав и Мариан, как и большинство встречавшихся нам польских тружеников, молодцы — 22 и 24 года. Обучились своему делу в местной технической школе. Женаты, у обоих уже дети. Они говорят о поразившей нас машине, как водитель о своем автомобиле.

Экскаватор подает уголь на конвейер, лента которого поднимается из котлована и убогает, теряясь из виду. Две нитки этого конвейера протянулись на 60 километров. Куда же несет конвейер этот бурый уголь? Прежде всего на теплоэлектроцентраль, она находится неподалеку и называется, как и угольный центр, «Туров». Электрический ток идет отсюда в Польшу, ГДР и Чехословакию. Ведь здесь смыкаются границы трех братских государств. Кстати, экскаватор сделан в ГДР, которая получает отсюда не только электроэнергию, но и уголь.

В этом уголке польской земли с особой силой чувствуешь, что означает содружество социалистических стран. И это только один конкретный пример из сотен и тысяч подобных. Возмужавшая за тридцать лет новая Польша является полноправным партнером Совета Экономической Взаимопомощи, участвуя в работе этой организации с самого момента ее возникновения в 1949 году. Советско-польское сотрудничество всегда означало взаимную помощь и поддержку. Еще в период восстановления разрушенного войной хозяйства Польша поставляла в нашу страну уголь, цинк, соду, сахар и ткани. Эти поставки, как сценил

тот период советско-польского сотрудничества министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, помогши нашей стране восстанавливать свою экономику. По мере роста индустриальной Польши ее научно-технические достижения все шире используются в Советском Союзе. Польские и советские специалисты совместно разрабатывают самолет М-15 для сельскохозяйственной авиации, первый в мире самолет такого рода с реактивным двигателем. Сотрудничают наши специалисты и в области создания электронно-вычислительных машин.

С годами качественно меняется содержание советско-польского сотрудничества. В 1966 году был подписан между обоими правительствами протокол, заложивший основы перспективного планирования нашего сотрудничества. Неуклонно развивается взаимная торговля. При большом объеме польского импорта из СССР растет и польский экспорт в нашу страну: морские суда, оборудование для химических заводов, для деревообрабатывающей и бумажной промышленности, металлообрабатывающие станки, товары широкого потребления, уголь, кокс, сера и многое другое. Широко сотрудничает Польша и со всеми другими странами, входящими в СЭВ.

Пример Польши отчетливо показывает, как крепнет и набирает силы великое социалистическое дружество.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Разговор о польском селе надо, пожалуй, начинать со статистики, чтобы выкинуть в его необычную, на наш взгляд, структуру. Около 81 процента сельскохозяйственных угодий занимают 3,4 миллиона средних и малых единоличных хозяйств. 17 процентов приходится на восемь тысяч государственных сельских хозяйств (их сокращают называя госхозами, и они соответствуют нашим совхозам), остальная площадь обрабатывается производственными кооперативами (по-нашему, колхозами).

Но это только голые цифры, без стоящей за ними жизни, которая и на селе наполнена новым, социалистическим содержанием. Дело в том, что единоличные хозяйства в разной форме связаны с социалистическим плановым хозяйством.

Как же государство организует систему планового воздействия на интенсификацию такого типа сельского хозяйства? Об этом мы долго беседовали с очень знающим человеком, главным редактором варшавской «Экономической газеты» Ежи Глывчеком. В самом начале беседы он сказал: «Наши единоличники — это отнюдь не единоличники в чистом виде». Государство, например, широко применяет систему так называемой контрактации, заранее договариваясь с крестьянами о закупке у них определенного количества сельскохозяйственных продуктов по выгодным для крестьян ценам. Мало этого. За своевременные поставки и полное выполнение договоров крестьяне получают премии и могут на выгодных условиях закупать корма, выпускаемые государственным предприятиями. Государство предоставляет крестьянам сортовое посевное зерно и племенной скот. Важное значение на селе имеет и поощряемое государством производство минеральных удобрений. Большая часть угодий в Польше — это малоплодородные земли, около 60 процентов составляют песчаные почвы. Государственная политика в этой области привела сегодня к тому, что в применении удобрений Польша сегодня достигла уровня Франции, тогда как до войны Франция употребляла удобрений в пять раз больше, чем Польша.

Государство поощряет развитие так называемых сельскохозяйственных кружков. Входящие в них владельцы единоличных хозяйств совместно покупают нужные им машины и оборудование, которые в каком-то одном небольшом единоличном хозяйстве использовать невыгодно (в среднем на одно единоличное хозяйство в Польше приходится около 5 гектаров обрабатываемой земли). Государство оказывает таким кружкам финансовую помощь, а также помогает в вопросах агротехники. В 1972 году в Польше было уже 35,4 тысячи таких кружков, объединяющих около 3 миллионов человек (при 6 миллионах, занятых в единоличных хозяйствах). Кроме того, действует еще много других такого же типа приводных ремней, соединяющих единоличника с социализмом.

И Ежи Глывчек и другие польские товарищи рассказали нам немало любопытного о своеобразии польского сельского хозяйства. Идет процесс явного постарения единоличника. Его дети не хотят жить по-прежнему, их манят к себе госхоз и кооператив, где нормирован рабочий день, гарантирован заработок и, наконец, обеспечен более высокий культурный уровень жизни. Многие состарившиеся единоличники продают свои наделы государству или же отдают их, за что государство назначает им приличную пенсию. Немало единоличников, не дожидаясь старости, подается в госхоз или кооператив.

В притягательной силе социалистического сельского хозяйства мы сами убедились, побывав в нескольких кооперативах и госхозах.

В Познанском воеводстве нас познакомил со своим хозяйством председатель кооператива Томаш Хорынский. Этот кооператив был создан в 1950 году, и с того самого времени Хорынский является его председателем. До войны работал на этих же землях на помещика.

В 1950 году кооператив объединил 17 членов и имел 180 гектаров земли. Сейчас в нем более 250 членов и 1 007 гектаров (как настоящий хозяин коллективного добра, Хорынский так и сказал, с точностью до гектара: «1 007»). Ежегодно коллектив увеличивается в среднем на десять членов за счет притока единоличников.

Кооператив этот, как и другие коллективные сельские хозяйства Польши, очень схож с нашими хозяйствами средней полосы. Здесь выращивают пшеницу, в добротных помещениях сотни коров и свиней; широко используются трактора, комбайны и другие машины и оборудование, много применяют удобрений. Недавно введен хозрасчетный принцип, члены кооператива получают за свой труд зарплату. Есть у них свои приусадебные участки, личный домашний скот.

Не может не радовать интенсивное жилищное строительство. Каменные, в основном двухэтажные дома на каждую семью. Заходим в первый попавшийся. Это оказался дом семьи пенсионера Владислава

Скубеля. Он, как и председатель, пришел в кооператив с самого начала, в 1950 году. Сейчас там работает его зять, муж дочери Брониславы, у которой растут дочь и сын. В двухэтажном каменном доме со всеми удобствами (отлично, со вкусом обставленном) проживает всего шесть человек. Мы беседуем со старым Скубелем и его дочерью. Оба очень довольны жизнью в кооперативе.

Если с хозяйством этого кооператива мы (и то с помощью автомобиля) смогли познакомиться за несколько часов, то с госхозом Старое Бояново, что находится в том же Познанском воеводстве, мы не познакомимся бы и за целый день. Поэтому ограничимся одним из его шести отделений, которое возглавляет Ришард Дубецкий. Это специалист с высшим образованием. Иначе и быть не может, ибо он командует современной фабрикой мяса. У него три тысячи бычков; обслуживают отделение десять человек. Уже одна эта последняя цифра говорит о том, насколько механизировано хозяйство Ришарда Дубецкого. В прошлом году весь госхоз получил четыре миллиона злотых прибыли, в этом году, который вообще в Польше обещает быть урожайным, ожидается прибыль в восемь миллионов.

Побывали мы еще и в госхозе Голэнбин Старый. Это хозяйство многоотраслевое: быки, коровы, овцы, свиньи, куры, 3 500 гектаров пахотной земли. В прошлом году получили зерновых с гектара 43,2 центнера. Коллектив — 680 человек, из 70 административно-технических работников 24 с высшим образованием, остальные — со средним.

Нам сообщает эти о многом говорящие цифры убежденной сединой директор госхоза Ян Ежиняк. И цифры приобретают еще более глубокое содержание, когда он добавляет к ним другие: в госхозе четыре столовых, два медицинских пункта и четыре врача, ежегодное для всех работников обязательная диспансеризация; есть здесь несколько магазинов, парикмахерская, химчистка, спортивный зал, вмещающий 600 человек (мы побывали в этом великолепном сооружении), четыре детских сада, учебный центр для подготовки специалистов сельского хозяйства, ансамбль художественной самодеятельности (он держит первое место в воеводстве), театр живого слова (коллектив чтецов), народный кукольный театр. Надо ли удивляться тому, что многие молодые люди, дети единоличников, не хотят жить по-старому и уходят из своих собственных хозяйств в такие, как этот госхоз?

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РАЗУМ!

Русский язык широко изучают в Америке, специальную надбавку к зарплате за знание русского языка дают в Швеции... Что же говорить о такой родной нам стране, как Польша?! Здесь учат русский в школе. Когда едешь по Польше, то убеждаешься, что с русским там не пропадешь. Это еще раз говорит о том, насколько близки наши народы.

В варшавскую школу № 37 имени Домбровского мы попали во время экзаменов. Директор Регина Громельская рассказала нам о школе, в которой старшеклассники специализируются в русском языке.

А потом мы идем на экзамен по русской литературе. На нашем родном языке слышим четкие ответы на такие вопросы: «Шолохов, «Судьба человека», «Образ Печорина», «Образы крестьян у Тургенева»...

Долгий путь прошла польская школа до такого экзамена. В старой Польше, в почти 35-миллионной стране, прослойка культурно активных людей составляла всего 1,5 миллиона человек. С тех пор в восемь раз увеличилось в стране число граждан с высшим образованием. Сегодня в Польше свыше 7 миллионов человек учатся в школах и учебных заведениях различных типов. Размах, достойный страны с такой древней и богатой культурой, как Польша! Ведь история польской высшей школы восходит своими корнями к 1364 году, когда был создан известный всей Европе Ягеллонский университет в Кракове. В эпоху Возрождения он стал международным центром по изучению астрономии. Ходил по каменным плитам древнего внутреннего двора этого университета и думаешь о том, что по нему же ходил Николай Коперник. Сегодня его потомки тысячекратно возвеличили польскую научную мысль. Ядерные исследования, атомные реакторы, знаменитая польская математическая школа, теоретическая и экспериментальная физика, электроника — вот что такое новая Польша! Особое развитие в стране получили физика элементарных частиц, физика плазмы, радиоактивная химия и ядерная техника. В Дубне вместе с советскими учеными польские физики открыли новые, так называемые трансуранные элементы. В рамках СЭВ польские ученые принимают участие в разработке более ста тем...

История Польши протянулась уже на целое тысячелетие. Можно увидеть, можно ощупать руками свидетелей этих десяти веков — тысячелетние дубы под Познанью и такого же возраста стены костелов и крепостные стены.

Тридцать последних лет из этой тысячи в корне изменили облик древней страны. «Все, чего добился польский народ за послевоенное 25-летие», говорил Эдвард Герек на XXIV съезде КПСС, — все, чем он по праву гордится, все, что дало ему веру в будущее, неразрывно связано с социализмом».

Июнь 1974 года. Варшава — Краков — Катовице — Згожеlec — Познань — Гданьск — Варшава.

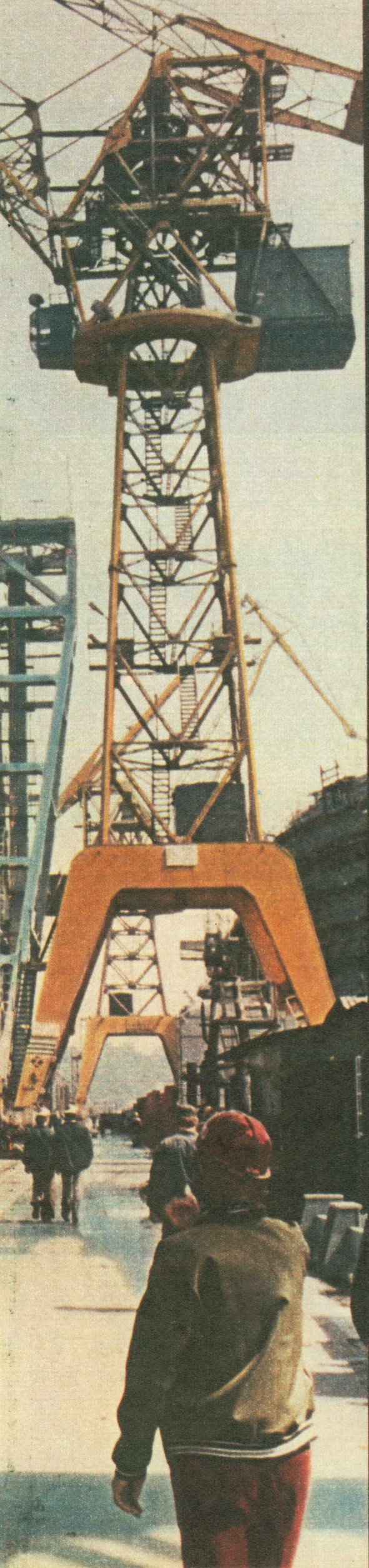
Пятеро близнецов Рихерт из Гданьска. ● Вечерние огни Познани. ● На международной промышленной ярмарке. ● Вихрь мазурки. ● Студентки. ● Памятник силезским повстанцам (Катовице). ● В доме члена кооператива Владислава Скубеля.

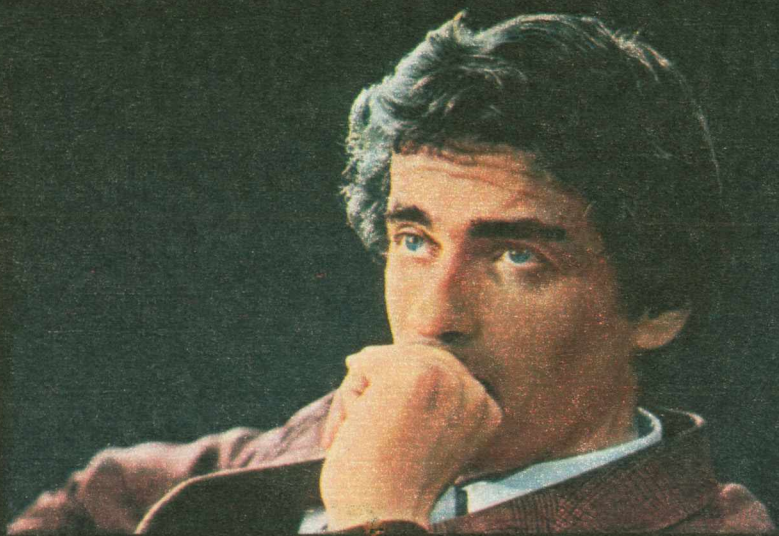
На развороте вкладки: На уроке русского языка в варшавской школе № 37 имени Домбровского. ● Гдыньская верфь. ● Судостроитель Збигнев Кобылецкий.

Фото М. САВИНА.

ВЕРЮ В ПОБЕДУ ПРЕКРАСНОГО

Кшиштоф ПЕНДЕРЕЦКИЙ,
композитор

Центральный образ моего искусства и главное, что меня привлекает и волнует, что стоит в центре всех моих интересов, — это Человек с его радостями, заботами, невзгодами, мечтами. Потому мне так близка русская литература XIX века: Достоевский, Гоголь, Толстой. Эти писатели необычайно глубоко проникли в сущность психологии людей, необычайно тонко и остро показали всю сложность существования рода человеческого. Мне еще раз хочется вспомнить Гоголя, его петербургские повести, в которых так точно и беспощадно показано одиночество маленького человека в том неуютном мире. Если бы замечательный советский композитор Шостакович не создал гениальную оперу «Нос», я постарался бы сочинить оперу на эту тему. Моя мечта — написать оперу-буфф по мотивам пьесы Гоголя «Ревизор».

Культуры наших стран, их искусство очень родственны. Мне очень близко великолепное творчество Петра Ильича Чайковского. Он поистине гениальный композитор, не говоря о том, что это один из самых больших мастеров оркестровки. Я не знаю лучших партитур, чем «Щелкунчик» или Первый концерт для фортепиано с оркестром. Чайковского критиковали в свое время за доступность. Но мне кажется, что это не недостаток, а, наоборот, великое достоинство... Я очень многому научился у Игоря Стравинского. Это один из великанов современной музыки. Помню глубокое впечатление, которое произвело на меня знакомство с творчеством Шостаковича, этого дерзкого новатора. Будучи в Советском Союзе, я был поражен старославянской музыкой, она во многом вдохновила меня на создание фундаментальной работы «Затрешня». Меня чарует в старой русской музыке ее необыкновенная духовность, ее полифония.

Я против техницизма в искусстве. Меня пугает западная пропаганда техницизма в музыке. Ведь есть теоретики, которые считают, что музыку может сочинять компьютер, машина. Но я глубоко уверен, что этого не будет. Я за победу музыки, созданной Человеком и написанной для Человека, для света и добра. Я верю в победу красоты и прекрасного. Правда, был такой период, когда просто считалось дурным тоном говорить: «красивое», «прекрасное». Но эти времена, к счастью, проходят. И мы снова и в живописи, и в скульптуре, и в музыке возвращаемся к прекрасному.

Но это не значит, что я отрицаю эксперименты, поиски нового стиля, новых форм выражения. Я за все это. И, конечно, много работая с молодежью, я хочу самые добрые слова сказать о молодежи, потому что в ней наша надежда.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕБЮТ

Ханна ЛИСОВСКАЯ,
солистка Большого театра оперы и балета Варшавы

Моей первой ролью была партия Татьяны Лариной в опере «Евгений Онегин» Чайковского. Это был счастливый дебют. После этого я пела партию Айды, Елизавету в «Дон Карлосе», графиню в «Свадьбе Фигаро». Сегодня вы слушали «Гальку» Моноушко. Это моя самая любимая партия. В нынешнем году я еду в Мексику петь Гальку. Очень хотелось бы исполнить роль героини в современной,

Зоя Куцувна в роли Натальи Петровны в пьесе И. С. Тургенева «Месяц в деревне» (театр Народовы, Варшава). ● Художественный руководитель театра Народовы Адам Ханушкевич. ● Скульптор Мариан Конечный. ● Композитор Кшиштоф Пендерецкий. ● Балерина Барбара Райская (Большой театр оперы и балета, Варшава). ● Профессор, доктор Станислав Лоренц, директор Национального музея Варшавы.

еще не написанной опере, рисующей нашу замечательную жизнь. К сожалению, мало пока настоящей глубокой оперной музыки, отражающей наши чудесные дни.

У меня есть еще одна мечта: спеть арию Лизы в «Пиковой даме» Чайковского... Мне довелось выступать в 1968 году в Малом зале консерватории в Москве, и я никогда не забуду тот теплый прием, который оказала московская публика.

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ» В ВАРШАВЕ

Адам ХАНУШКЕВИЧ,
директор и художественный руководитель театра Народовы

Спектакль «Месяц в деревне» Ивана Сергеевича Тургенева, его постановка не типична для меня. Боюсь, что многих театральных критиков и ценителей моей режиссерской деятельности после просмотра «Месяца в деревне» может постигнуть шок. Ведь они привыкли, что в нашем театре, да и не только в нашем, а в современном театре Польши и многих других стран слишком громко кричат. А я почувствовал необычайное желание услышать тишину. Ведь тишина — это своеобразное звучание, и даже больше того, это музыка.

«Месяц в деревне», драматургия этой пьесы была в XIX веке своеобразной новацией. Но, к сожалению, не была понята и принята зрителями и критиками, хотя Тургенев на добрые полвека предупредил, предугадал развитие хода литературы. Ведь он предвосхитил «Месяцем в деревне» самую сущность творчества другого великого русского писателя, Антона Павловича Чехова.

«Месяц в деревне» необычайно прост по сюжету и с первого взгляда обыденен, даже банален. Героями спектакля владеют обыкновенные страсти людские. Но глубина тургеневского письма, прозрачность его пера и необычайная тонкость взаимоотношений героев делают эту старую пьесу вечной и современной. Ведь Тургенев раскрывает и показывает нам Человека, и поэтому сегодняшнее поколение слушает, затаив дыхание, этот спектакль. Они не знали, а может быть, забыли злых критиков былых времен, поносивших автора «Месяца в деревне».

Я люблю хорошую литературу, и особенно я люблю русскую классику. Я и раньше работал над спектаклями «Ревизор» Гоголя, «Три сестры» Чехова, «Преступление и наказание» Достоевского. Надеюсь, что список этот можно будет продолжить. Меня привлекает в русской литературе необыкновенная глубина, проникновение авторов в самую суть человеческих отношений, в их сокровенный смысл. Глубина — понятие, отражающее каждую отдельную эпоху. Если можно так выразиться, оно меняет дно, как горная река, в которой поток воды все время меняет русло, и порою бывает: то, что казалось глубоким и значительным, с течением времени видится мелким и плоским, и наоборот. Это, пожалуй, относится и к понятию прекрасного. Но есть произведения и авторы, которые создали творения непреходящего значения. Я отношу к ним древних греков, «Дон Жуана» Мольера, «Ричарда III» Шекспира, произведения Словацкого, Мицкевича. И, конечно, в этом ряду стоят Достоевский, Чехов, Гоголь, Толстой, Тургенев.

Мы были с театром в Советском Союзе. Ваши зрители на редкость тонко и глубоко понимают и любят театр. Это нетрудно понять, потому что они воспитаны на прекрасных образцах искусства Станиславского, Мейерхольда и Вахтангова и других замечательных режиссеров. Общение с советскими актерами, режиссерами, зрителями было для меня всегда большой творческой радостью, и я с волнением ожидаю новых встреч.

ЛУЧШИЙ ЗРИТЕЛЬ П Л А Н Е Т Ы

Анджей ВАЙДА,
режиссер

Осенью я думаю быть в Москве, продолжу работу в театре «Современник»: буду оформлять как художник спектакль «Вишневый сад» Чехова в постановке режиссера Галины Волчек. Для меня это большая радость, я люблю этот театр.

Искусство советских мастеров сцены и кино очень высоко. В игре актеров театра и кино чувствуется огромная школа традиций Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Эйзенштейна, Пудовкина и Довженко. Ведь проблема мастерства — умение донести слово, раскрыть душу героя — всегда стояла очень остро. И сейчас, когда в мире так велик интерес к театру Чехова, театру необычайно тонких человеческих коллизий и характеров, вопросы мастерства, школы стоят особенно остро. Не менее сложен и требователен к актеру и режиссеру мир героев Достоевского.

Я приступил к работе над «Идиотом» в театре Народовы, которым руководит талантливый режиссер Адам Ханушкевич. Хочется раскрыть напряженные, трагические, психологически обостренные, сложные образы великого русского писателя. Замысел... Мне бы хотелось, чтобы Мышкина и Рогожина играли одни и те же актеры, меняясь от спектакля к спектаклю, чтобы зритель понял, что, по существу, эти люди очень близки в своей трагической судьбе. Настасья Филипповна? Но я подожду рассказывать о дальнейших планах разработки спектакля. Вы, наверное, заметили, что мне приходится много работать над произведениями русской классики. Еще в 1961 году я поставил «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова, потом «Бесов» Достоевского.

Не могу сейчас не вспомнить блестящую работу Юрия Григорovichа над «Спартак» Хачатуряна, постановка которого меня глубоко потрясла. Замечательные актеры балета Васильев и Лиёпа, Максимова и Бессмертнова превзошли то, что можно требовать от актера-человека. Это — фантастическое мастерство.

Много хвалебных слов произносятся обычно в адрес советских режиссеров и актеров. И это уже стало почти банальным, хотя это святая правда...

Отдавая должное советскому театру, хочу особые чувства выразить советскому зрителю: ибо такого большого, серьезного отношения и такого человеческого любопытства и охоты дойти до сути дела, такого чувства искренности и такта, как у советской публики, пожалуй, не встретишь нигде.

А ведь мы работаем именно для зрителя. И степень его увлеченности зависит от уровня нашего мастерства, глубины того, что мы хотим сказать.

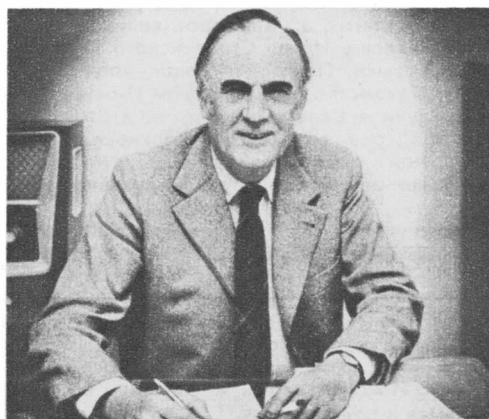
СПАСИБО МОИМ УЧИТЕЛЯМ

Барбара РАЙСКАЯ,
солистка балета варшавского Большого театра

Завтра самый страшный и самый чудесный день моей жизни: я впервые танцую Сванильду в «Коппелии» Делиба. В первый раз... Бесконечные репетиции — все позади. Я уже не могу спать: так волнуюсь.

Этот балет в нашем театре поставил замечательный советский балетмейстер Асаф Мессерер. Он нам очень помог, это огромный мастер с колоссальным опытом, ведь он столько лет работает в Большом театре. Русский балет для любого из нас — земля обетованная. Боготворю Екатерину Максимову, Наталью Бессмертнову, Надежду Павлову, Владимира Васильева. Я уже была в Москве и участвовала в конкурсе балета. Правда, дошла только до второго тура, но то, что я танцевала в Москве, придало мне силы и желание работать и учиться, учиться. Накануне дебюта мне хочется сказать большое спасибо педагогам-репетиторам из Советского Союза Борису Халиулову и Ирине Михайличенко, которые вложили столько души и сердца в работу с молодежью нашего театра.

Не могу в этот светлый день не вспомнить и не поблагодарить замечательных польских балерин Марию Шишковскую и Божиену Кочалковскую, которые своим опытом, своим примером, своим огромным трудолюбием и вкусом учат нас любить и ценить трудную, но такую прекрасную профессию.

СОЦИАЛИЗМ ВОШЕЛ В НАШУ ЖИЗНЬ

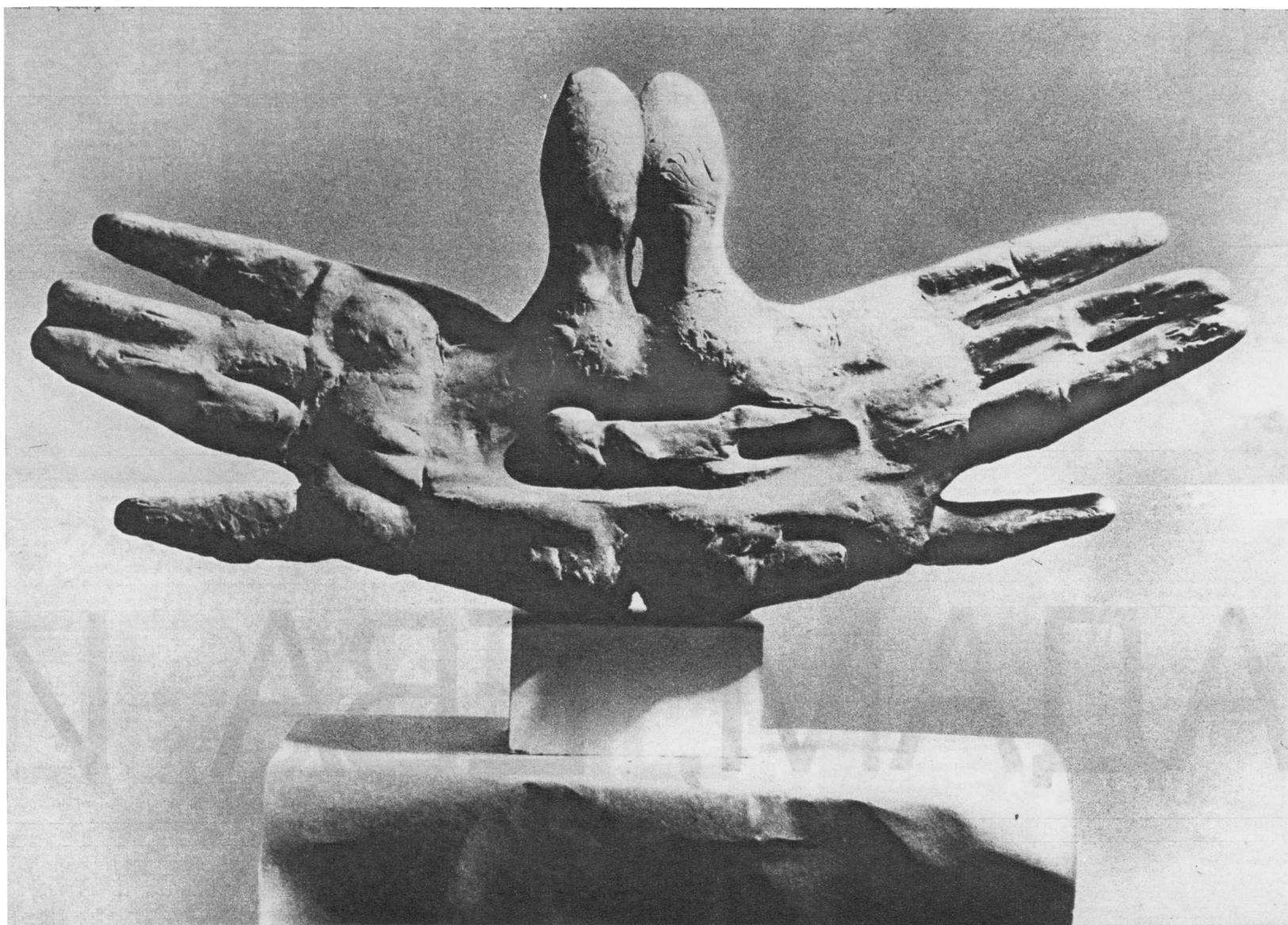
Доминик ХОРОДЫНСКИЙ,
главный редактор журнала «Культура»

Социализм вошел в нашу жизнь, это процесс глубокий и главный. Общий подъем благосостояния народа не может не найти отражения в нашей литературе, в нашей культуре и искусстве. Я глубоко убежден, что стремительный темп развития экономики нашей страны даст еще новые и новые всходы в живописи, поэзии, музыке... Это обязательно произойдет, потому что уже сегодня происходят глубокие психологические процессы в развитии и становлении нашего общества. Народ Польши видит огромные достижения нашей родины, сознание людей проникнуто духом интернационализма. Мы живем в эпоху мирного наступления стран социализма, и каждый из нас видит, как отстают силы «холодной войны». Но это не значит, что наша социалистическая культура должна терять дух наступательности. Нет, мы не должны забывать о постоянной и тонко закамуфлированной деятельности буржуазной пропаганды и должны противопоставить ей во всем объеме и масштабе свою боевую, острую, глубоко аргументированную пропаганду.

Наша культура, культура социализма в Польше, достигла больших высот. Она впитала и впитывает в себя все лучшее, что создано человечеством веками в области литературы, музыки, живописи. И я глубоко верю, что мы увидим новые большие свершения в нашей польской социалистической культуре и искусстве.

**Скульптуры Мариана КОНЕЧНОГО: Памятник Революционным боям в Жешуве.
Материнство.**

АДАМ, ЕВА И

В

старинном городе Гданьске супруги Леокадия и Бронислав Рихерт ждали рождения дочери. Непременно девочки! У них уже было два сына, Кшиштоф и Януш.

За два с половиной месяца до родов Леокадии сказали в консультации, что ждать надо по меньшей мере двойню. Узнав об этом, сыновья обрадовались: «Каждому из нас мама купит сестренку!»

Леокадия благополучно родила пятерых.

Мы попали в эту семью, когда малышам пошел четвертый год (Кшиштофу и Янушу сейчас 10 и 9 лет).

Что поражает сразу, когда попадаешь в этот дом? Миниатюрная, даже, пожалуй, хрупкая мама. Обликом своим она напоминает известную нашу балерину Лепешинскую. Мы даже спросили Леокадию, не увлекалась ли она балетом. Нет, никогда. Пятнадцать лет подряд проработала шеф-поваром. Пошла по семейной линии: ее мать тоже шеф-повар.

Когда мы в самом начале нашей беседы сказали ей, что для работницы с таким солидным стажем и матери с такой семьей она выглядит очень молодо, Леокадия тут же, не задумываясь, ответила: «Чтобы быть подольше молодой, детей надо рожать».

— Как имена для ребят выбрали?

— Это не я, журналисты выбрали. Приезжали, спрашивали, как назовем младенцев. Пока мы с мужем размышляли, кто-то уже опубликовал имена. Мальчишки: Адам, Петр и Роман, девочки: Ева и Агнешка. Так мы их и назвали.

Леокадия Рихерт рассказывает о характерах и наклонностях близнецов:

— Именно Адам и Ева верховодят всей пятеркой и очень дружат между собой. А вообще все они разные. Адама тянет ко всему механическому, металлическому. Наверно, техником будет. Роман с упоением рисует. Петр отличается тем, что любит поспать, но когда бодрствует, выделяется редкой общительностью. Ева не расстается с куклами. Агнешка не по возрасту самостоятельна, все стремится делать сама, у нее самое любимое слово «нет». Есть у пятерых и общие интересы: телевизионная передача «Спокойной ночи, малыши», любят вместе петь и слушать сказки, все в восторге от пляжа и местного зоопарка.

Характеры! Как их забавно наблюдать! Мы присутствовали при

совершенно уморительной сцене: подъем малышей после «мертвого часа». Петр действительно никак не мог проснуться, а когда его посадили на стол, чтобы одеть, он уткнулся в плечо Роману, и тот явно сочувствовал братику. Адам спрятался за шкаф с игрушками и, затаив дыхание, ждал, когда начнут его искать.

В одной большой комнате стоят пять беленных кроваток. Здесь же пять шкафчиков, пять больших игрушечных мишек — словом, как в любой детской, но все помножено на пять.

Наконец дети одеты. Идем фотографироваться на улицу. Это сделать еще потруднее, чем одеть их. Разбегаются во все стороны, как ртуть. Очень шустренькие, шаловливые. Все время ловишь себя на том, что пересчитываешь, все ли на месте.

И в доме и здесь, на улице, обращаешь внимание на то, что ни мама, ни папа (вернувшийся к тому времени со службы, очень скромный, милый, застенчиво улыбающийся, среднего роста и среднего возраста) не балуют ребятнишек, не трясутся над ними. Нет и намека на создание атмосферы какой-то исключительности. Все просто, очень просто, как в обычной большой семье. Этой осенью родители собираются отдать близнецов в детский сад, чтобы утром отводить туда, а вечером забирать домой.

Великолепной пятеркой интересуется и гордится теперь вся Польша. Да и не только Польша. Леокадия показала нам несколько ящиков с письмами, пришедшими в их дом со всего мира. Один ящик — письма из нашей страны.

Государство дало семье двухэтажный дом, предоставило двух нянь, работающих по очереди. Леокадия и ее матери дали оплаченные отпуска на три года. На каждого малыша государство ежемесячно выплачивает пособие (до их совершеннолетия).

Когда на газоне появилась вся эта необычная семья, то тут же собрался народ, особенно много набегало девушек. Их лица, их глаза зажглись изнутри каким-то одним женским душем ведомым огнем. Потому что каждая в эти минуты видела себя матерью, каждой, наверное, как никогда, захотелось познать счастье материнства.

Мы совсем запарились, фотографируя малышей. А они нет. Мы пообещали им, что потом покажем их на машине. В ожидании этого счастья они резвились как могли. А потом все с ликованием забралось в машину и покатило по улицам родного города, оглашая их своими звонкими голосами.

В. НИКОЛАЕВ
Фото М. САВИНА.

Гданьск.

ДРУГИЕ

ПОДАРОК

Перелистывая записную книжку военных лет, я прочитал: «Деревня Чёрна Бухта, год 1944. 14-летняя девочка Лёдя (гусь)».

...Наша дивизия начала сражение за город Суwalkи. Несколько дней назад мы еще были на подступах к польской границе, а теперь уже ведем бои за этот старинный польский город. Большим событием в жизни воинов нашей части было вступление на землю Польши. В то раннее утро солдаты батальона Рудыкина из сотен винтовок и автоматов дали салют в честь начала освобождения польского государства. За давностью времени я уже не помню, был ли он дан по приказу или в порыве солдатской радости; салют этот стал также и клятвой — освободить братский славянский народ от фашистов.

Получив подкрепление — танки и артиллерию, — немцы на некоторое время остановили нашу дивизию. Упорное сопротивление врага было понятно: со взятием Суwalkи открывалась дорога в Восточную Пруссию — цитадель немецкого фашизма. Наши батальоны то в одном, то в другом месте пытались вклинуться в оборону немцев, но каждый раз были вынуждены отходить на исходные позиции.

В политотделе дивизии, который находился в деревне Чёрна Бухта, было созвано совещание политработников, после которого мы отправились в батальоны. Служил я тогда в редакции дивизионной газеты.

Наша машина стояла рядом с политотделской. Перед отправкой из передовую я решил заскочить в машину, захватить автомат и полевую сумку.

Изрешеченный осколками бомб и снарядов, но честно несший службу, старенький «ЗИС» был нашим первым другом. В нем мы укры-

вались, когда было холодно и шли проливные дожди, в нем мы прятались от жары.

Захватив автомат и полевую сумку, я отправился в батальон майора Рудыкина. До батальона было не больше трех-четырех километров. Я шел полем, вслушивался, как звенели спелые колосья пшеницы. Потом спустился в овраг и услышал совсем другое... За небольшим леском — отчаянная перестрелка. Мне казалось, что еще один рывок — и я в батальоне Рудыкина. Но тут совсем рядом что-то взорвалось, не то мина, не то снаряд, и я оказался на земле. Почувствовал сильный ожог плеча, потом что-то липкое поползло по спине. Ко мне подбежали санитары. Они быстро перевязали рану, оттащили в укрытие, где стояли повозки для раненых. После этого меня отправили в деревню Чёрна Бухта.

Рана от осколка была неглубокая, и потому я не собирался эвакуироваться в госпиталь. Да и можно ли было так просто расстаться с дивизией, с товарищами, с которыми не одну сотню километров отшагал по дорогам войны?

Комендант Чёрна Бухты поселил меня на окраине деревни, в крестьянском доме. К сожалению, я не помню ни фамилии, ни имени хозяина. Помню только, что его семья состояла из трех человек. Он, жена и четырнадцатилетняя девочка Лёдя. Лёдя была маленького росточка, с вздернутым носиком, удивительно ласковая, и еще она была страшной хохотушкой.

Приветливо меня встретили хозяева дома, отвели маленькую комнатку. Когда я попросил коменданта, чтобы солдаты типографии принесли военный паек, хозяева решительно восстали.

— Вы наш гость, товарищ майор, — сказал хозяин, — так что питаться будем из одного котла.

Пришлось согласиться.

Жил я как почетный гость. Утром встанешь, смотришь — лежит на скамейке твое белье, чистое, выглаженное. Рядом с кроватью стоят сапоги, начищенные до блеска.

Ну, а что касается питания, то мне сам папа римский мог позавидовать.

Дело шло к поправке. Как-то я даже запел нашу «Катюшу», и ее тут же подхватила Лёдя. По просьбе Лёди я переписал ей и нашу песню «Священная война».

У меня было такое впечатление, словно я не в Польше, а где-то у себя на родине. Мне казалось, что я и хозяина и хозяйку знаю давным-давно. Все в этом доме шло от сердца, и я не мог не почувствовать этого. Видимо, душевная щедрость — самое большое богатство!

Мое «беззаботное» житье продолжалось неделю. На седьмые сутки ко мне пришел комендант и, узнав, что я почти здоров, сказал, что надо срочно явиться в политотдел: дивизия получила пополнение и должна передислоцироваться.

— А как батальон майора Рудыкина? — тут же спросил я.

— Батальон сегодня ночью снялся с передовой. На его месте теперь солдаты из другой дивизии.

Комендант ушел. Я стал собираться. Мне хотелось чем-то отблагодарить хозяйку, хозяина, Лёдю. Хорошо бы что-то подарить, но у меня ничего такого не было...

Мы по-братски обнялись с хозяином, потом я поцеловал хозяйку, Лёдю, пожелал им большого счастья в жизни. И, конечно, от всего сердца поблагодарил за хлеб-соль, за тепло и приют.

Вместе со мною они вышли на крыльцо, и, пока я не скрылся из виду, они не уходили в дом.

...Едва я представился заместителю начальника политотдела Василию Ивановичу Филькину и редактору, поздоровался с солдатами типографии, как увидел в окошко, что по улице идет Лёдя и тащит в руках огромного живого гуся. Я подумал, что она несет его кому-нибудь из знакомых. Но не успел я выйти, как девочка уже была рядом и у кого-то из штабных офицеров спрашивала:

— Мне Янку Куприянова. Где я могу его найти?

— А вот он, у своей машины.

Иван КУПРИЯНОВ

(Из фронтового блокнота)

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

Лёдя направилась прямо ко мне.
 — Что случилось? — спрашиваю.
 — Ничего. Я гусака вам принесла, — звонко заявила она.
 — Лёдя, милая девочка, никакого гусака у тебя не возьму. Ни к чему мне гусь.
 Но маленькая упрямца стояла на своем.
 — Нет, Янка, возьми! Это подарок вам от моих родителей.
 — Большое им спасибо, но... понимаешь, не могу я взять у тебя гусака.
 Я хотел сказать, что меня засмеют в дивизии, если узнают про гусака, но я не мог ей этого сказать. К тому же на ее лице появилась крупная слезинка.
 — У нас еще есть гуси, вы же видели? — бормотала Лёдя, вытирая рукавом слезы.
 Из машины высунулись наборщики и печатник.

— Вот что, Лёдя. Давай так договоримся. Ты сейчас забереешь гусака домой, а я вечером зайду к вам и заберу подарок.

— Это правда, Янка, что вы вечером зайдете к нам за гусем? — переспросила Лёдя.

— Конечно, правда, если только меня не пошлют на какое-нибудь задание.

Лёдя нахмурилась. Бросила на меня недобрый взгляд и тихо-тихо поплелась со своим гусаком вдоль деревни.

Мне было не по себе. Она же шла ко мне с искренними чувствами, глаза ее светились от счастья, а я испугался каких-то смешков.

В этот день наша дивизия получила пополнение, и политотдел вместе со штабом дивизии снялся из деревни Чёрна Бухта и переехал в лесок, что находился за озером, против деревни.

...Жизнь во втором эшелоне длилась всего несколько дней. Как-то утром проснулись — лес опустел. Ни костров, ни команд, ни солдат. И мы тоже начали собираться к отъезду на передовые позиции. Единственное, что нас задерживало, — это выпуск очередного номера газеты. И вот, читая в машине свежую полосу, я вдруг в окошко заметил, что к нам с гусем идет Лёдя. Вначале я даже не поверил своим глазам. Каким образом она могла здесь появиться? Я вышел из машины.

— Лёдя? Какими судьбами ты здесь?

— А вот узнала и пришла, — не без гордости ответила она. — Вы думали, что я вас не найду?

— Да нет, Лёдя, я так не думал, — оправдывался я.

— Если бы не думали, вы бы мне неправду не сказали.

— Да, но пришел приказ, и мы срочно снялись и уехали, — сказал я.

— Знаю, Янка. Только мы весь вечер тогда ждали вас.

Мне оставалось извиниться за то, что я не смог выполнить своего обещания.

— Ну, а теперь возьмете гусака? — обратилась ко мне Лёдя. И тут же добавила: — Если откажетесь, на всю жизнь на вас обижусь!

К машине подошел шофер Шкурпат.

— Товарищ майор, разве вы не видите, эта девчушка за вами до Берлина пойдет. К тому же как-никак подарок.

— Ну что ж, убедили.

Я взял у нее огромного гусака.

— Спасибо, Лёдя! За все спасибо!

Я крепко пожал ей руку.

— Твоим родителям особое спасибо от коллектива редакции газеты «За Родину», — добавил я.

— Обязательно передам! — весело и звонко сказала Лёдя. И тут же добавила: — Янка, приезжайте еще раз к нам в гости!

— Если будет малейшая возможность, обязательно к вам загляну!

Гордая, довольная, Лёдя поскакала через бугорки в родную Чёрна Бухту. На наших глазах скрылась за ельником, точно видение. А потом, откуда-то издалека, донеслось:

— Счастья вам, Янка!

Пройдет много лет, а я буду вспоминать и деревню Чёрна Бухту, и польского крестьянина с немного грустным, задумчивым лицом, и его жену — милую, тихую женщину, и Лёдю... Может, когда-нибудь снова придется побывать в тех местах, узнать, что стало с моими добрыми друзьями...

К 60-ЛЕТИЮ
 СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
 АЛИМА КЕШОКОВА

ВСАДНИК

Сергей БАРУЗДИН

Любой юбилей, даже юбилей близкого друга и товарища, так или иначе влечет к высокопарным словам. Говоря об Алиме Кешокове, и я могу сказать так, что даже Эльбрус позавидует!..

Но мне не хочется говорить такие слова.

Мне хочется вспомнить сейчас просто Алима. И нашу многолетнюю дружбу. И сказать, что время, увы, летит быстро. Совсем недавно, десять лет назад, мы отмечали пятидесятилетие Алима. В Нальчике, в Москве, в родном его ауле с добрым названием Шалушка и, конечно, в предгорьях Эльбруса, у нарзанных источников. И тогда была в Шалушке мама Алима. И уже не было отца. Сейчас нет и мамы. Но именно их, отца и мать, надо вспомнить теперь, когда Алиму Кешокову исполняется шестьдесят...

И все же, когда речь идет о литературе, возраст, право, не имеет особого значения.

Алим Кешоков давно неотделим от своей родной кабардинской литературы. Он один из первых кабардинских поэтов. Он первый, по существу, прозаик в кабардинской литературе. Ну, а то, что он народный поэт Кабардино-Балкарии, — это естественно.

Алим Кешоков неотделим от нашей многонациональной советской литературы. Давно неотделим, задолго до своих «круглых» юбилейных дат.

Первые его стихи помечены тридцатыми годами. Но уже тогда появились такие прекрасные, живущие и по сей день его стихи, как «Дикая яблоня», «Кончина Ислама», «Привычка», «Летний дождь», «Мое село», «Счастье», «Кавказ», «Одуванчик» и, конечно, «Всадник»:

Старик, бородач рыжекудрый,
 Выводит табун дотемна.
 И нового каждое утро
 Сейдает себе скакуна.

Я не раз слышал и видел, как реагирует публика при чтении этого стихотворения в исполнении автора, стихотворения мудрого, с прекрасной неожиданной концовкой.

О поэзии Алима Кешокова можно и должно говорить много, но мне хочется вспомнить еще одно, самое маленькое, но, с моей точки зрения, самое главное стихотворение Алима:

Мой брат бывалый командир,
 Не взвод у брата под началом,
 И по плечу ему мундир
 Тот, что положен генералам.

А мне не надо ни лампас.
 Ни листьев дуба золотого.
 Поручик Лермонтов,
 у вас
 Хочу быть в званье рядового.
 («Поручик Лермонтов».)

В этом стихотворении — сам Алим. И не только как поэт. А и как человек.

Мы знаем и помним романы Алима Кешокова «Чудесное мгновение» и «Зеленый полумесяц». Они давно вышли за рамки родной ему кабардинской литературы и пришли через русский язык и языки народов СССР к всеобщему читателю. Судьба персонажей этих романов, их многотрудный путь к революции и первым победам на свободной земле не могут не волновать читателя любой национальности, любого возраста. И недаром эти романы были отмечены высокой премией многонациональной России — премией имени Максима Горького.

По-моему, особое место в нашей литературе занимает роман Алима Кешокова «Сломанная подкова». Я знаю, как долго и трудно писался этот роман о войне, о тяжелой битве за Северный Кавказ. Сам воин, прошедший всю войну «в званье рядового», Алим подходил к этой рукописи, становясь то стратегом, то тактиком, то робким, начинающим литератором, хотя за спиной был уже огромный опыт. Потому и писался роман более двух пятилеток. И, наверное, хорошо, что так. Получился роман настоящий, вызывающий живой интерес, споры и дискуссии, как каждая хорошая книга. Получился один из лучших написанных в последние годы романов о Великой Отечественной. Получился один из лучших в многонациональной советской литературе романов о войне. Это очень важно и значимо!

А уже после «Сломанной подковы» появилась новая прозаическая книга Алима Кешокова «Вид с белой горы» — своеобразная автобиографическая повесть, полная жизненных наблюдений, опыта и свойственной автору и в стихах и в прозе иронии. И еще — новые и новые стихи, переведенные и ждущие перевода.

Я уже вспоминал раннее стихотворение Алима Кешокова «Всадник». Тема смелого, мудрого, вечно юного всадника проходит через многие его стихи, поэмы, романы.

И сам Алим напоминает мне этого всадника в седле.

И быть ему в седле как можно дольше!

ЯН МАТЕЙКО В МОСКВЕ

Игорь ДОЛГОПолов,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
специальный корреспондент «Огонька».

Рвутся, летят гроззовые июньские облака. И вместе с ними стремительно парит в мятущемся небе меченосная Ника. Вся она — порыв. Движение. Полет. Гордая, хотя и поверженная на миг, но не побежденная. Еще мгновение, и она встанет, грозная, как само возмездие, и горе тогда коварному и жестокому врагу. Он будет разбит.

Развеваются по ветру пряди ее волос. Прекрасно, одухотворенно лицо богини. Она видит победу. Но сражение впереди. И поэтому так трагически изломаны брови, так широко открыты глаза. Ника кричит, призывая соратников к бою. Она подъяла руку к небу, как бы собирая воинов к этому последнему усилию. Каждая прядь ее бронзовой плоти вызывает к борьбе. Еще минута — и Ника оторвется от каменного поста-мента, и грянет битва!

Предельно напряжены мышцы. Как канаты, натянуты сосуды, в которых пульсирует горячая кровь. Рвется сердце из обручей ребер. Бьются волны бронзовых, тяжелых складок одежды.

Великолепен, грандиозен образ, созданный скульптором Марианом Конечным. Нет ни одной точки, ни одного ракурса, которые не вызывали бы невероятного ощущения динамики, порыва. Необыкновенно остро очерчен и найден силуэт монумента. Художник отдал всего себя, весь жар души своей героине.

Искусство высокой революционной романтики прославляет героев Варшавы. У подножия Ники горы красных и белых гвоздик, увитых красно-белыми лентами.

Плывут, плывут в высоком вечернем небе взбудораженные облака. Тонкая, ажурная стрела строительного крана медленно кружится над новым домом. Столица Польши не устает строиться. Напротив памятника Героям Варшавы — Большой театр оперы и балета. Шумная толпа спешит на спектакль. У освещенных колонн юноши и девушки. Подъезжают машины. Обычная праздничная атмосфера ожидания встречи с прекрасным. На стене театра маленький фонарик-светлячок. Теплый ветер развеивает двухцветную шелковую ленту. На гранитной плите слова: «...В руинах театра гитлеровцы расстреляли триста пятьдесят поляков...»

Пустая сцена Большого театра Варшавы. Темный провал зала. Безлюдный партер. Тихо. Кто-то в оркестровой яме настраивает скрипку. Горят золотые листья кленов, на широких полях снопы скошенной пшеницы — декорация оперы «Страшный двор». Мирный, мирный пейзаж. Еле мерцает свет софитов. Вдруг зашуршал занавес, и снова тишина.

...Я представил себе развалины театра в том страшном году, когда на этой сцене или рядом с ней в один вечер пали 350 патриотов.

Пройдут мгновения, прозвонит звонок, зашумит партер, придут люди. Зазвучит оркестр. И в притихшем зале сотни, сотни счастливых людей будут слушать музыку, смеяться, плакать, аплодировать... Жизнь продолжается.

Варшава готовится к празднику. На зеленом бархате газонов, в скверах и парках горят выложенные цветами цифры «XXX» и даты «1944—1974».

Я брожу по набережной. В зеленой раме старых деревьев проблескивает серебряная лента Вислы. По ту сторону реки — Старе Място. Строительные леса. Краны. Узорный силуэт древнего города. Стрельчатые башни готики. Кружевной, ажурный рисунок барокко. И снова краны, краны. Красные черепичные крыши и, словно фрегат, дворец. И мне еще раз приходит на память образ города-корабля, столь свойственный и близкий по духу славянам: московский Кремль, пражские Градчаны, варшавское Старе Място.

Близкие по духу. Я не раз вспоминал эти слова, любясь просторами польского пейзажа. Золотая Сирена подняла, приветственно салютуя, меч. Направо осталась дорога на Катовице. Впереди Краков. Цветут могучие каштаны. Седые ветлы обступили шоссе. За ними привольно раскинулась земля Польши. Зеленая, уютная, просторная страна. Дорога, как тетива лука, натянута до предела. Она то распрямляется, то звенит, как струна... Изумрудные холмы, синие перелески, тихие речки, сиреневые, розовые луга — все это ласкает взор, и от этого милого сердцу раздолья веет чем-то невыразимо близким и родным. Порою на крутой горе перед изумленным взгледом вдруг вырастают башни древнего замка, и вмиг воображение рисует седую старину этой овечьей легендами и сказаниями земли. То вдруг у обочины дороги вырастают гранитные обелиски — знаки прошедшей великой битвы, и опять и опять бескрайние горизонты, бирюзовые, голубые дали. Необычайно музыкальна природа Польши, давшая жизнь великому Шопену. Вслушайтесь! В шелесте листьев, в пении птиц, журчании лесных ручьев, в шепоте ветра вы услышите мелодии мазурок и вальсов Шопена...

Краков. Древняя столица Польши. Площадь имени Яна Матейко. На фасаде старого дома, украшенного гербом города и кариатидами, надпись: «Академия художеств Кракова». Скрипят большие старые двери. Крутая лестница. Наверху нас встречает Лоренцо Медичи работы Микеланджело, а рядом мраморная доска с высеченной надписью: «Педагогам и студентам, уничтоженным и погибшим в борьбе с гитлеровскими захватчиками в годах 1939—1945». И снова ступени. Скульптура Венеры Милосской. И снова вечное и прекрасное рядом со страданиями и ужасом прошедшей войны...

Кабинет ректора академии.

— Мариан Конечный, — говорит и пожимает мне руку стройный, крепко сложенный мужчина. Открытое, добродушное лицо. Густые черные брови. Светлые серо-голубые глаза. Жилистые, сильные руки скульптора.

Да, это он, автор варшавской Ники.

— Родился я в 1930 году, — рассказывает Мариан Конечный, — в деревне Ясенов, Жешувского воеводства, на юго-востоке Польши, в семье крестьянина. Кончил гимназию, потом приехал в Краков, учился в художественном лицее. В 1948 году поступил в академию на скульптурный факультет. Потом диплом, а в 1954 году, в октябре, я приезжаю в Ленинград, в Академию художеств, и становлюсь аспирантом.

Напротив стола стена, увешанная портретами. Их десять. Это ректоры академии, и первый и главный среди них Ян Матейко; ведь это его дом. Много лет он руководил Краковской Академией художеств.

Мы покидаем кабинет. Гудят коридоры академии, идет сессия. А значит, волнения, заботы, экзамены. Мы выходим на улицу. Мариан Конечный показывает мне место на площади, огороженное невысоким забором. За ним — остатки фундамента.

— Здесь стоял монумент, посвященный битве и победе под Грюнвальдом. Его уничтожили фашисты.

Я вспомнил огромный вводный зал выставки в Манеже «Шедевры польской живописи» и гигантский холст Яна Матейко «Битва под Грюнвальдом», открывавший экспозицию.

В те весенние дни в Москве в первые часы знакомства с великим творением знаменитого польского художника я не знал почти ничего об этой картине. То есть я знал, наверное, кое-что, но это были лишь книжные сведения, знакомство с миром живописца по репродукциям. Я стоял тогда, ошеломленный грохотом невероятной, несусветной битвы. Ведь только что я брел по апрельской Москве, любовался сверкающими куполами кремлевских храмов, слушал птичий щебет в Александровском саду. Апрель, светлый, лучезарный, ликующий, слепил глаза. И вдруг в прохладной тишине Манежа на меня обрушился шквал звуков. Лязг стали, ржание коней, стоны раненых, крики сражающихся, рев труб — весь этот хаос бескрайнего поля боя. Художник сделал меня как бы участником битвы. Он властно овладел воображением, и я оказался в самом центре этого поистине апокалиптического по ярости и накалу страстей сражения.

Вот что говорил великий Репин об этом полотне: «Масса подавляющего материала в «Битве под Грюнвальдом». Во всех углах картины так много интересного, живого, кричащего, что просто изнемогаешь глазами и головой, воспринимая всю массу этого колоссального труда. Нет пустого местечка: и в фоне, и в дали — везде открываются новые ситуации, композиции, движения, типы, выражения. Это поражает, как бесконечная картина Вселенной...»

...1410 год. Больше пяти с половиной веков отделяет нас от грандиозной битвы у маленькой деревни Грюнвальд. Но магический дар Матейко приблизил к нам это событие, открыл окно в историю. В тишину выставочного зала вдруг ворвался ад жесточайшей битвы века, в которой поляки в союзе с литовцами, чехами и русскими наголову разбили немецких рыцарей. Надо было обладать умом возвышенным и силой поистине нечеловеческой, чтобы создать это полотно.

На маленькой серой табличке направо от картины в нескольких скупых абзацах рассказана история о том, как ровно тридцать лет назад, в 1944 году, картина «Битва под Грюнвальдом» была спасена — выкопана из земли, куда польские патриоты спрятали холст от фашистских варваров, назначивших 10 миллионов марок тому, кто укажет место ее укрытия...

И вот я в Кракове. Городе, в котором родился, жил, творил и умер Ян Матейко. Флорианская улица, дом 41. Старый город, сердце Кракова. Здесь проходила королевская дорога от Барбакана до Вавеля. Глухо звучат ступени деревянной лестницы. Небольшой зал. Во всю стену крупно написаны слова:

«Он принадлежал к величайшим художественным великанам XIX века». Стасов.

Ян Матейко. 1838—1893. БИТВА ПОД ГРЮНВАЛЬДОМ. 1878. (фрагмент).

Национальный музей в Варшаве.

Ян Матейко. АВТОПОРТРЕТ. 1892.

Я прохожу из зала в зал, из комнаты в комнату, где с таким тщанием и с такой любовью сохраняется сам дух Матейко. Скрипит паркет. Мерцают старые люстры. Поблескивает уникальная мебель, сверкает старинное оружие, древние костюмы, женские украшения.

Мастерская художника. Палитра с высохшими красками. В старинной вазе кисти, десятки кистей. На мольберте этюд павшего коня для «Битвы под Грюнвальдом». На стенах шлемы, кольчуги, латы, мечи, подковы. Бесценный материал для создания грандиозных картин, эпосов. В студии тихо. За окном бушует солнце, бурлит Флорианская улица. Дом напротив, как, впрочем, и десятки других на этой улице, в лесах. Работают художники, скульпторы, штукатуры. Восстанавливают старину. Незаметный, великий труд реставраторов. Мы выходим на площадь Главного рынка. Голуби, голуби, голуби. Яркие зонты у столиков кафе.

Огромный собор. Две башни. Одна — готическая, другая — барокко. Краков — город-музей. Здесь можно проследить и изучить развитие архитектуры романской, готической, ренессансной и барокко. Для этого достаточно пройти по его улицам и площадям.

Сукеннице. Древнее здание бывших суконных рядов. Король Болеслав Стыдливый, издавая в 1257 году акт о правовом положении города, обязался построить торговые ряды. Семь столетий с лишним прошло с тех пор, и вот теперь в Сукеннице помещается галерея польской живописи и скульптуры. Именно здесь в большом, светлом зале экспонируются произведения великого Матейко. Напротив входа висит огромная золотая рама. Вместо картины мы видим бархатную драпировку. На ней дощечка с надписью: «Картина «Прусская дань» одолжена на выставку в Москву». На мое счастье, именно в тот день, когда мне довелось посетить галерею, холст вернулся домой.

Около него стояла молодая женщина и упрямилась служителя показать ей картину. Мы познакомились.

— Меня зовут Луция Кравчук, я из Вроцлавского воеводства. Преподаяю в ремесленном училище. Очень люблю живопись. Особенно Матейко. Я специально приехала с друзьями в Краков, чтобы познакомиться с великолепной архитектурой, с памятниками старины, но не могу уехать, не увидев знаменитое полотно Матейко.

Мы с молодой учительницей и ее друзьями проходим по залам галереи. Замечательные мастера польской живописи Петр Михаловский, Юзеф Брандт, Юзеф Хелмонский, Александр Герымский и многие другие рассказывают о жизни своей родины, народа. Несмотря на непогоду, залы музея полны людей, среди них молодежь, много туристов. Как близка и как знакома нам эта картина приобщения людей к прекрасному!

В этом я убедился еще раз, посетив экспозицию Национального музея в Варшаве. В те дни там была развернута большая выставка, посвященная работе многочисленных польских музеев. Была широко показана реставрация полотен и скульптур, представлены современные способы исследования подлинности произведений искусства. Перед зрителями предстал благородный и кропотливый труд целой армии ученых и специалистов, посвятивших свою жизнь музейной работе.

— В этом зале обычно расположены полотна Яна Матейко, — говорит доктор Кристина Срочиньская, куратор галереи польского искусства Национального музея. — А вот на этой стене постоянное место отдано «Битве под Грюнвальдом». Сейчас здесь представлены фотографии реставрационных работ, которые проводились с другими картинами Яна Матейко. Полотно сильно пострадало во время войны. Да, прошлая война погубила немало жизней, не пощадила она и произведения искусства. — с грустью проговорила Кристина Срочиньская. Мы подходим с ней к небольшому портрету. Полотно продырявлено фашистскими штыками и истоптано коваными сапогами захватчиков. Краска облупилась, на холсте глубокие порезы. Варварство... Сколько ценностей мировой культуры унесло оно за всю историю нашей земли!

— Вот уже много лет, — говорит моя спутница, — занимаюсь творчеством Матейко и особенно его замечательной картиной «Битва под Грюнвальдом». Вам, наверное, интересно будет узнать подробности спасения полотна от рук гитлеровских варваров. Вот эта история.

В сентябре 1939 года началась массовая эвакуация варшавского населения. И именно в эти дни под грохот бомбежек и вой сирен приняли решение спасти от фашистов «Битву». Трудно было в ту пору изготовить специальный вал и огромный пятиметровый ящик, раздобыть транспорт. Наконец нашли конную платформу. Шоссе переполнено беженцами, самолеты обстреливали дорогу. Кругом гибли люди. Двое суток картина добиралась до Люблина. Когда приехали в музей, началась ночной налет, и оба художника, сопровождающие картину Матейко, погибли. Работники музея оставили холст в Люблине. Когда фашисты вошли в город, картину решили спрятать. В том зале, где находился ящик с полотном Матейко, поставили библиотечный стол и рядом скамьи, на которых сидели люди. Никому не приходило в голову, что под ногами читателей, а точнее, под столом, совсем рядом, находился холст Матейко. Так было до весны 1941 года. Потом оккупанты потребовали, чтобы здание музея отдали им. Группа сотрудников, невзирая на смертельную опасность, начала искать новое убежище для «Битвы». Это было непростое. Ящик с полотном весил полторы тонны. Наконец придумали инсценировать переезд. Навесили на ящик с картиной ведра, прочую утварь; так удалось отвезти ее за два километра от города и поместить в старый сарай. Ночью раскопали пол сарая, изолировали яму толем и отвели воду. Гитлеровцы лихорадочно искали картину. Они о чем-то догадывались и назначили награду: сперва два миллиона марок, а потом подняли цену до десяти миллионов. Но никто из десятков людей, причастных к спасению «Битвы под Грюнвальдом», не выдал тайну, хотя все они рисковали жизнью. В 1944 году наконец наступила долгожданная свобода, и картина была спасена. Осенью мы пригласили из московской Третьяковской галереи профессора Алексея Рыбникова, замечательного реставратора. Он осмотрел полотно и сделал пробную очистку красочного слоя. Ведь три с лишним года оно лежало в земле. Проникла влага. В одном месте прогнил вал и пробил холст. Летом 1945 года

картину привезли в Варшаву, в здание, где она раньше экспонировалась, в тот же самый зал, и положили на пол изуродованное полотно. Я сама видела все это. Руководил спасением профессор доктор Станислав Лоренц. Он возглавлял Главное управление музеев и охраны памятников.

И вот «Битва под Грюнвальдом» развернута. Это было страшное зрелище: лак разложился, полотно стало похоже на огромную белую тряпку с рваными краями. Соткали новый колоссальный холст, начали реставрационные работы. Четыре года писал свою картину Матейко и четыре года ее реставрировали. Через двадцать пять лет, накануне отправки «Битвы» на выставку в Москву, ее снова реставрировали те же самые люди, которые тогда возродили ее к жизни.

Доктор Кристина Срочиньская знакомит меня с магистром Лией Скальскай, которая участвовала в организации московской выставки.

— Доктор Лоренц, — говорит Лия Скальскай, — решил показать в Москве все лучшее, что создано польскими художниками. Музеи Польши прислали свои жемчужины. Многие полотна впервые пересекли границу Польши. В Москву картины перевозили пять огромных автомашин. Когда мы прилетели в вашу столицу, все полотна были уже в Манеже. Предстояла серьезная работа по экспозиции картин. Но особенно сложен показ картин Матейко, ведь «Битва под Грюнвальдом» имеет длину 987 сантиметров. Не буду рассказывать про все перипетии с развеской и перестановкой холстов, скажу одно: никогда я не забуду вернисаж 3 апреля 1974 года. Все мы безумно устали, но когда пришло столько народу и оркестр заиграл наши гимны, это было торжество братства наших культур... Москва чудесно приняла нас. Выставку посетило более 150 тысяч человек за один месяц.

Мы привезли в Варшаву тепло сердец советских друзей. Книга отзывов на выставке польских шедевров заполнена десятками, сотнями восторженных откликов зрителей. Вот прочтите некоторые из них:

«Чудесно! Сколько прелести и очарования! Спасибо за три часа, которые останутся в памяти до конца жизни. Сюда нужно было идти, если бы была одна картина Матейко: «Битва под Грюнвальдом». А их здесь много. Спасибо устроителям и народу Польши...»

«Дорогие братья поляки!

Не могу не высказать восхищения Вашей щедростью, с какой Вы одарили нас лучшими творениями Ваших чудесных мастеров. Многие картины Матейко, Зиммера, Ковальского-Веруша и других я видел только в репродукциях и не мог мечтать о том, что увижу их в оригинале, ибо в Варшаве, Кракове, Познани мне уже не суждено побывать, мне уже много лет, и жить осталось недолго. А сколько новых для меня художников я теперь узнал! Благодарную память об этой роскошной выставке сохраню до смерти. Спасибо, спасибо Вам от души...»

«Над картиной «Битва под Грюнвальдом» надо написать слова Горького: «Человек!.. Это звучит гордо!»

«Выставка Польской Народной Республики прекрасна. Широко раскрыто народное искусство. Остается большое впечатление от всего увиденного. Преклоняюсь перед талантливым народом Польши, в освобождении которого я участвовал в 1944 году».

Польская культура. Ее вклад в сокровищницу мирового искусства, музыки, литературы неocenим. Имена Мицкевича, Шопена, Матейко принадлежат всем людям земли.

Желязова-Воля. Домик, где родился Фридерик Шопен. Серебристые ивы. Старые ворота. Дикий виноград вьется по чугунной решетке. Огромный парк, могучие деревья. Просторный зал дома-музея. На стене копия портрета Шопена работы Эжена Делакруа. В открытые окна слышно пение птиц, людской говор. За распахнутыми дверями — скамьи. Моросит дождь. Люди пришли слушать Шопена. Высокий молодой человек вышел, поклонился, сел за рояль. Прозрачные, как горный хрусталь, звуки свободно полились и заполнили зал, полетели в парк, туда, к людям.

Светлая и трагическая, чистая и трепетная музыка Шопена проникает в душу, рождает раздумья, заставляет мечтать о несбыточном, бесконечно волнует сердце. Звуки фортепиано сливаются с пением птиц, шелестом мокрой листвы. Музыка Шопена — сама природа Польши. Она предельно человечна и народна, потому так ненавистна была она фашистам, боявшимся света и мужества лиры Шопена, ее гражданской силы. Истлел прах многих гаулейтеров и фюреров, но живет и будет жить вечно великое искусство польского композитора.

Люди... Матери с детьми, солдаты, офицеры Войска Польского, старики и молодые прильнули к окнам. Замерли, слушая Шопена. Замеркли звуки мазурки, в зал ворвался птичий гомон. В черном лакированном зеркале рояля засверкали ярко-розовые цветы сада.

Полонез. В нем вся мечта Шопена. Любовь и ненависть. В ритмах слышна неумолимая поступь судьбы. Слушая полонез Шопена, как никогда чувствуешь эти чеканные, считанные мгновения, отмеренные нам жизнью. Мы словно слышим удары сердца больного композитора, на чужбине мечтавшего о свободе своей родины. Вот звучат последние, торжествующие аккорды, грозные, маршевые. Я ощущаю поступь тысяч, тысяч людей, голоса свободного народа, празднующего свою победу. И вдруг опять мелодия раздумий и полные скорби ритмы.

Концерт окончен. Десятки людей подходят и горячо благодарят польского пианиста Владзимежа Обидовича.

— В Польше глубоко ценят, — говорит Обидович, — великолепных исполнителей Шопена — Льва Оборина, Якова Зака, Беллу Давидович и многих других мастеров советской фортепианной школы, одной из самых замечательных в мире. Я мечтаю приехать в Москву на очередной конкурс Чайковского, ведь это, пожалуй, самый представительный форум музыкантов-исполнителей нашей планеты.

...Лазенки. Красивейший парковый ансамбль Европы. Июнь. Воскресенье. Летит белый пух тополей. Воркуют голуби. Тысячи людей собрались у памятника Фридрику Шопену. Огромный партер обступили старые каштаны, ивы, липы. В темной воде пруда опрокинулось высокое небо Варшавы. Вспорхнула стая голубей. И поплыли, поплыли в июнь-

ском горячем воздухе звуки мелодии Шопена. И опять, как в Желязов-вой-Воле, поразительно вплетались в музыкальную канву щебет птиц, шепот листвы, пение ветра. Бронзовый Шопен внимательно прислушивается к звукам фортепиано, к птичьему гомону, к шороху города.

Мазурка. Звонкие трели танца пробежали по зеленым кущам парка, зазвенели в сердцах людей. Одна мазурка сменяла другую, и казалось, сам мир необъятный с этим бирюзовым небом, с лениво плывущими облаками и лица этих сотен и сотен людей вдруг посветлели. Казалось, ярче загорелись краски одежды, глубже стали изумрудные тона зелени. И опять зашумел летний дождь, но никто не уходил. Только взлетели пестрые крылья зонтов. Вальсы, полонезы, этюды сменяли друг друга. Вдруг где-то рядом я услышал русскую речь.

— Мы из Ленинградского института культуры имени Н. К. Крупской, — говорит мне преподаватель Эльвира Маркова. — Приехали на практику по обмену в Институт библиотекосведения и научной информации. Этот обмен постоянен. Группа польских студентов приедет к нам в Ленинград в сентябре. Мы очень довольны поездкой. Уже посетили Краков, Гданьск, Сопот.

— Я из Горького, — продолжает разговор студентка третьего курса того же института Лариса Токаева. — В Польше первый раз. Хочется сказать о том, как сильна здесь любовь к истории, к традициям. Как крепко святое чувство, которое питают поляки к героям войны. Смотрели кинофильм «Варшава наперекор всему», и меня и моих товарищей потрясло, с какой любовью восстанавливают и строят Варшаву. Двадцать два дня предстоит нам пробывать в Польше. Мы увидели и еще увидим чудесный мир наших друзей, которые так по-братски тепло нас принимают. Я никогда не забуду сегодняшний день в парке Лазенки и эту дивную музыку Шопена, которую люблю с детства. Еще со школьной скамьи мы узнали стихи Мицкевича. Мы пели в школьном хоре песни Шопена и Монюшко. Теперь я познакомилась в музеях с чудесными картинами польских художников. Меня поразила сказочная красота старинных городов. Эта поездка навсегда останется в моем сердце. Конечно, я горьковчанка и люблю Волгу, наш нижегородский кремль, наш город, но за годы учебы Ленинград стал моей второй родиной. Это чудесный город с его дворцами, белыми ночами и великой историей.

Я невольно вспомнил разговор с Марианом Конечным, который мы вели в Кракове на берегу Вислы, сидя на скамье у древних стен Вавеля.

Вечерело. Пробежали куранты. Закат озарил могучие башни старинного замка. Рядом на траве играют дети. Маленький буксир натужно тянет караван черно-оранжевых барж. Рядом по каменным плитам набережной стучат «платформы» модных краковянок в пестрых макси-юбках.

— Я в Ленинграде, — промолвил Конечный, — провел самую счастливую пору моей творческой молодости. Это были необычайные, самые романтические четыре года моей жизни. Ленинград — неповторимый город. Его архитектурные ансамбли, памятники, набережные — все это чудесно. Сколько ночей я просидел, ожидая часа, когда разводятся мосты! Сколько бродил по набережным призрачными, белыми ночами! Сама Академия художеств, сфинксы, ростральные колонны Биржи, Медный всадник — все эти впечатления неизгладимы. У меня был мудрый учитель и большой друг Михаил Аркадьевич Керзин — необычайно деликатный и талантливый педагог. Я многим ему обязан... Я скульптор, и, пожалуй, это одна из самых мирных профессий на земле. Ведь наша задача — создавать. Хотя некоторые мои коллеги-модернисты много постарались для того, чтобы разбить, разрушить красоту. Так что даже и в нашей безобидной профессии бывают сражения, бои. Но это было в искусстве всегда. Лично я люблю творчество Родена, Бурделя, мне близко искусство Веры Мухомовой. Я не устаю восхищаться ее шедевром — монументом «Рабочий и колхозница», поразившим в свое время Париж. Мне нравится динамичное искусство Шадра, его энергичная композиция «Бульварник — оружие пролетариата»...

Бьют куранты. Стемнело. Мы поднялись. Через несколько минут шустрый «фиат» перенес нас на площадь Главного рынка. А еще через миг мы вошли в огромную дверь Марьяцкого костела. Напротив входа в глубине сиял алтарь.

— Пять столетий прошло с тех пор, — сказал Конечный, — как великий Вит Ствош создал это чудо искусства. Во время войны алтарь похитили оккупанты и вывезли в Германию. После долгих розысков он был наконец найден и привезен в Краков, но в таком плачевном виде, что лишь реставрационные работы спасли его. Я бесконечно люблю Краков и поэтому никогда не забуду, что в январе 1945 года советские войска стремительным ударом выбили гитлеровцев из города и спасли исторические древности Кракова. Фашистам не удалось взорвать город, хотя все, что было в нем дорого и свято для нас, поляков, не исключая Вавельского замка, они заминировали... В эти дни социалистическая Польша готовится к празднованию своего тридцатилетнего юбилея. И я внес свой скромный вклад. Памятник Революционным Боям — так назван монумент в городе Жешуве, работы над которым закончены.

...И снова дорога. И снова голубая стрела шоссе. Веселая радуга над берегами. Белая лошадка, разметав гриву, бежит под косогор. Сосны, сосны, просторные луга. Пестрые коровы на лесной поляне. Пейзаж бесконечно близкий, родной.

У самой кромки шоссе вдруг вырастают два огромных меча. И рядом герб Польши. Надпись: «Погибшим в борьбе с гитлеровскими захватчиками». И снова живые цветы, огромные красные пионы на сером шершавом граните, и снова поют птицы. В сосновом лесу молодежь собралась у костра и слушает рассказ седого, пожилого человека. Дорога в столицу...

Варшава. Квартира профессора доктора Станислава Лоренца, директора Национального музея.

— Я только что вернулся из Копенгагена, с конгресса Международного совета музеев. Около семидесяти стран участвовало в

его работе. Там были и советские коллеги, с которыми мы дружим много лет. Мы с ними делаем одно общее большое дело: стараемся сохранить творения искусства и как можно лучше, доступнее и интереснее рассказать о них людям. В наш век — поверьте мне, ведь я прожил почти восемьдесят лет и пережил уже не одну войну, — это не так просто. Однако должен сказать, что последние годы вселяют в меня большую надежду, ибо усилиями Советского Союза и наших молодых стран социализма мир стал крепче. И народы стали ближе друг к другу. Пора «холодной войны» уходит в прошлое. Настоящее искусство делает людей разных стран ближе друг к другу. Прекрасные картины и скульптуры многому учат зрителей, рассказывают о жизни своих народов. Иногда хорошая картина поведает зрителю не меньше, а порою больше, чем толстый роман. Такова сила истинной живописи. Реализм побеждает. Некоторым показался сенсационным успех выставки русских передвижников у нас в Варшаве в прошлом году, ведь ее пришлось продлевать трижды. Учитывая недавние вкусы некоторых зрителей, это был триумф. Но меня, много лет наблюдавшего за ходом развития искусства, эта победа нисколько не удивила. Мир устал от модернистского кривляния и уродства. Это не значит, что я против нового, против поисков... Но я убежден, что будущее живописи — это путь реалистического искусства, воспевающего жизнь, прекрасное и главное — Человека, его разум, красоту.

Когда мне и моим коллегам поручили организовать выставку «Шедевры польской живописи» для экспозиции в Москве к Дням польской культуры, я приложил все усилия, чтобы это была самая представительная выставка за всю историю Польши, показанная за рубежом. Триста шедевров — такой экспозиции не знала и сама Польша. Мне обязательно хотелось показать советскому зрителю как можно полнее творчество нашего великого мастера Матейко, его грандиозные полотна «Битва под Грюнвальдом» и «Прусская дань».

Я директор Национального музея с 1935 года, то есть почти сорок лет. Это очень много. Всю войну я был в Варшаве, участвовал в борьбе с фашистами. В сентябре 1939 года мы спасали все, что могли. Замок уже горел, когда 17 сентября мы вывезли более трехсот картин и семидесяти скульптур. Не могу не вспомнить, рассказывая о тех страшных днях, и подвиги советских людей, спасших шедевры, находившиеся во дворцах Павловска, Петергофа, Пушкина. И когда увидел восстановленными эти замечательные памятники архитектуры, я, как никто другой, мог понять, какой подвиг искусствоведов, реставраторов, архитекторов Советского Союза вложен в дело спасения этих ценностей культуры мирового значения. Я счастлив сказать вам, что мы восстанавливаем Королевский Замок. В этом году к тридцатилетию приурочены большие торжества. И мы покажем народу возрожденную архитектуру Замка. Я мечтаю прийти с моей доброй супругой в восстановленный полностью Замок в 1978 году. Тогда мне будет ровно восемьдесят лет.

Хочется добавить несколько слов к тому, что рассказала вам Кристина Срочиньская о «Битве под Грюнвальдом». Спасибо тем людям, которые, невзирая на бомбежки, пожары, саму смерть, приходили и добровольно помогали спасать ценности польской культуры. Это были небогатые, простые люди. Многие из них потом были убиты, ранены и арестованы гестапо. Музей горел. Героически вели себя женщины. Они не боялись ничего. Как детей, выносили из пламени полотна. Это были поистине героические дни. Прошло пять лет. И вот наступил великий день. Советская Армия помогла нам освободить родину. Никогда не забуду, как, несмотря на продолжавшуюся великую битву в первые месяцы 1945 года, нам, работникам музея, помогали советские люди. Они находили и возвращали шедевры польского искусства. Сотни полотен и скульптур. Никогда не забуду торжество, когда мы получали обратно наши сокровища, захваченные фашистами. Это было благородный жест Советской державы.

Накануне нашего великого праздника мое сердце полно благодарности советским друзьям, замечательным советским зрителям, так горячо встретившим нашу выставку польских шедевров в Москве (и особенно творения Яна Матейко) и оставившим у меня и у моей супруги самые горячие чувства любви к москвичам.

...Ян Матейко. Живописец. Создатель грандиозных полотен-эпопей. Великий труженик. Он был членом многих европейских академий. Его искусство высоко ценили Стасов, Крамской, Репин. Но только посетив и увидев воочию прекрасную родину художника, ступив на древнюю землю Кракова, начинаешь особо глубоко понимать масштаб подвига творца «Битвы под Грюнвальдом», картины, в которой как в зеркале отразилось непреходящее, вечное. Сама судьба холста «Битвы», драматическая история его спасения от рук фашистских варваров, озаряет новым светом сюжет этого полотна, придает ему необычайную остроту и современность. В наши дни, когда народы Польши, Чехословакии, Советского Союза и других стран тесно сплочены в социалистическое содружество, эта картина, воспроизводящая братское боевое единение народов Польши, Литвы, России и Чехии, боровшихся против захватчиков и победивших, приобретает особое, символическое звучание. Десятки тысяч советских зрителей, посетивших выставку «Шедевры польской живописи» в Москве, высоко оценили и горячо приняли искусство замечательного мастера, познакомившего нас с великой историей братской Польши, и мы все унесли в своем сердце чувство благодарности великому польскому художнику-патриоту Яну Матейко.

Июнь. Полдень. Стремительно несет свои воды серебряная, в снежной пене от прошедших грозных ливней Висла. И кажется мне, что плывет, плывет ей навстречу Старе Място — древний корабль с мачтами-колокольнями, с красными крышами-палубой... Достраивается новый красавец мост. Скоро скинет леса старый Королевский Замок. Варшава, восставшая из огня и пепла, широко раскинула крылья своих молодых кварталов. Тонкие стрелы кранов не могут остановить бег облаков... Жарко. На зеленой, ярко-изумрудной прибрежной траве загорают варшавяне. Мальчишки гоняют мяч. Легко скользит по течению лодка с одиноким гребцом. Лето. Мирная Варшава, счастливая столица счастливого государства.

ХЕМИНГУЭЙ НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Джозеф НОРТ

Джозеф Норт — член исполкома Международной организации журналистов, коммунист, московский корреспондент американской рабочей газеты «Дейли уорлд». Он основал и был главным редактором журнала «Нью мэссиз» («Новые массы»), продолжавшего традиции журнала «Мэссиз», где печатались фронтовые репортажи Джона Рида. Норт был дружен со многими американскими и иностранными писателями: Теодором Драйзером, Эрнестом Хемингуэем, Линкольном Стеффенсом, Карлом Сэндбергом, а также с Николасом Гильеном, Пабло Нерудой и другими. Сегодня на страницах «Огонька» Джозеф Норт выступает с воспоминаниями об Эрнесте Хемингуэе, чей юбилей отмечается в эти дни.

Я особенно любил Хемингуэя и Драйзера. Я любил Хемингуэя за искрящуюся, незамутненную чистоту. Он был чист, как горный ключ в его родном Северном Мичигане. Драйзер был иным — плотный, с огромной бычьей головой, задумчивый, часто мрачный, в то же время он умел смеяться и радоваться, как ребенок, когда открывал для себя что-то новое в жизни.

Оба были бесстрашны.

Обстоятельства сблизили меня с Хемингуэем, с которым я впервые встретился в Мадриде, когда «мессершмитты» с бреющего полета расстреляли беззащитных, невооруженных мужчин, женщин и детей на Пуэрта-дель-Соль.

Хемингуэй писал, что ненавидит фашизм за трусость и звериную жестокость.

В Испании он сражался против фашизма своим пером. Во время второй мировой войны, в момент решающего штурма Парижа, он отложил перо и взял в руки оружие, чтобы участвовать в освобождении города, который он так горячо любил и назвал «праздником, который всегда с тобой».

Вся его жизнь была таким праздником: не знаю человека, который любил бы нашу землю и простых людей, живущих на ней, сильнее, чем этот большой, цветущий уроженец Среднего Запада с легкой походкой и ясными голубыми глазами, который пускался в рискованные приключения. Его барс, отслеживающий добычу. Его добычей были зло и порок, разъедающие наше общество, — угнетение, лицемерие, поправление человеческого достоинства.

Произведения Хемингуэя свидетельствуют о том, что его особо занимал человеческий героизм, люди, сражающиеся вопреки всем опасностям, такие, как дряхлеющий Мануэль в рассказе «Непобежденный», Роберт Джордан в романе «По ком звонит колокол», обделенный судьбой рыбак из повести «Старик и море».

Его любовь к борцам была связана с уверенностью, что сражаются они за достойное дело — за человечество. Нигде он не превозносил сражающегося фашиста. И хотя он так и не стал коммуни-

стом, однажды он сказал мне, что уважает коммунистов за то, что это лучшие на свете солдаты.

Он говорил это об американских добровольцах в Испании из бригады имени Авраама Линкольна; позднее он говорил это о красноармейцах Сталинграда. Он испытывал особое уважение к советским людям, ибо, по его собственному выражению, они понимают его книги и пронизывающий их дух лучше, чем кто-либо другой, в том числе лучше большинства критиков в его собственной стране. Он говорил мне о своей приязни к советскому литературоведу Ивану Кашкину: «Этот русский знает меня лучше, чем любой из критиков, когда-либо писавших о Хемингуэе». Его радовали многомиллионные издания его книг в Советском Союзе. «Они меня любят!» — восклицал он с типичным для него мальчишеским ликованием.

Когда мы впервые встретились в Испании в 1937 году, я увидел серого медведя гризли с недельной щетиной на щеках. Он праздновал победу республиканцев при Белчите и позвал меня к себе в номер в знаменитом отеле «Флорида». Вскоре после наступления темноты нацистская батарея на горе Гарабитас с механической монотонностью начала обстрел. В фасад отеля уже угодило несколько снарядов, и постояльцы пользовались боковым входом с проулка, считавшегося безопасным. Я открыл дверь номера Хемингуэя на пятом этаже и увидел его обнаженным до пояса. Он был занят боксерской разминкой, своим излюбленным упражнением. Так он отдыхал в перерывах, когда ненадолго отрывался от пишущей машинки.

— Снаряды летят оттуда, — сказал он, указывая на север. — А мой номер угловой, выходит на северо-восток. Вот так. — Он зарыл подбородок в плечи, принимая боксерскую стойку. — Им меня не достать, верно? А ну, попробуй!

Он выставил вперед крепкий подбородок, потом ловко увернулся, когда я сделал выпад. «Вот видишь!» — закричал он радостно. Он казался таким юным, и хотя

мне не нравится мальчишество во взрослом человеке, на этот раз дело обстояло иначе. У него это было как-то естественно.

Он не терял присутствия своего неукротимого духа в самых сложных обстоятельствах. Я сам убедился в этом, когда мы вместе отравились на передовую. Присутствие духа не покидало его в течение почти всей его жизни. Его репортажи из Испании всегда были проникнуты оптимизмом и контрастировали с недоброжелательными статьями корреспондента «Нью-Йорк таймс», находившегося в Бургосе — ставке Франко. «Нью-Йорк таймс», что характерно для этой газеты, имела корреспондента и в Бургосе и в республиканском Мадриде. Во вторник в газете появилась профашистская статья, в среду — прореспубликанская. Корреспонденции Хемингуэя из Испании были подлинной литературой. О них с восхищением отзывался Илья Эренбург. И впоследствии я часто думал, нет ли связи между испанскими репортажами Хемингуэя и корреспонденциями Эренбурга с фронтов второй мировой войны, которые Хемингуэй считал неподражаемыми.

Одна поездка на фронт позволила мне лучше узнать характер этого человека. Я никогда ее не забуду, и хотя в течение всех последующих лет у нас были неизбежные разногласия по политическим вопросам, мы остались друзьями — в большой степени благодаря тому, каким я увидел Хемингуэя во время той поездки.

Мы возвращались из Эбро в майский полдень 1938 года и затормозили на извилистой горной дороге. Впереди нас в кузове грузовика сидели юноши. Они подняли сжатые кулаки в республиканском салюте. Они были прекрасны, они и сейчас у меня перед глазами, их оливковые лица сверкали на ярком солнце, они пели республиканские песни, песни протеста, и Хемингуэй восхищался их красотой. Вел нашу машину корреспондент «Нью-Йорк таймс». Даже он, человек мрачный и сдержанный, казалось, был растроган видом молодых людей. Внезапно на вираже грузовик перевернулся,

и сцена веселья сменилась сценой ужаса.

Окровавленные тела валялись на земле. Корреспондент «Таймса» нажал на тормоз, мы выпрыгнули из машины. Не знаю откуда, в руках у Хемингуэя оказалась санитарная сумка. Стоя на коленях, он перевязывал раненых, облегчал страдания умирающих. Мы работали вместе, и наши руки были в крови.

Я заметил, что корреспондент «Таймса» расхаживает среди тел, делая записи в блокноте. Он, человек из «Таймса», передаст новость в газету раньше всех, быстрее всех! У каждого свой бог!..

Хемингуэй поднял голову и вздрогнул.

— Сукин ты сын! — крикнул он. — Убирайся прочь, пока я не свернул тебе шею!

В этот момент я испытал глубокое уважение и теплое чувство к нему, которое сохранил навсегда. Я убедился, что человеческая жизнь, гуманность для него — высший критерий. Я увидел настоящего человека; за ребячливостью и задиристостью, которые многие исследователи считали позой, я разглядел гуманиста, преданного поборника человечности. Таков лейтмотив его творчества, все его произведения — тому свидетельством!

На него оказывалось сильное давление, но он не поддавался. В последние годы его жизни возник культ поругания Хемингуэя. Эта критическая тенденция имела целью перечеркнуть его и всех других последователей гуманистического реализма в нашей стране — Джека Лондона, Драйзера, Томаса Вулфа, Синклера Льюиса, Шервуда Андерсона. Эта тенденция родилась во время «холодной войны». Хулители безраздельно господствовали в критических разделах большинства журналов и газет. Они защищали тогда и защищают теперь другую литературу — литературу дегероизации человека, в которой человек изображается жалким существом, обуреваемым сексом, насилием и эгоизмом. «Человек, потерявший все» — вот их тема, и они продолжают удерживать ключевые позиции в полном соответствии с во-

лею издателей-толстосумов и анонимных монополий.

Хемингуэй сразу распознал этих хулигателей рода человеческого и объявил им войну. Их злобные атаки на его творчество и личные нападки не заставили его свернуть со своего пути. Он остался верен себе и в произведении, которое можно по праву назвать его духовным завещанием, — в «Старике и море». Это портрет неуязвимого старого рыбака, бросающего вызов горькой судьбе. Старик возвращается в порт после таких испытаний, которые под силу вынести лишь рабочему человеку; он остался со скелетом огромной рыбы: акулы отняли его небывалую добычу. Старик пристает к берегу без сил, с кровоточащими ладонями, с ноющими от старости суставами. Книга кончается тем, что он все-таки приходит в себя, исполненный решимости снова выйти в море.

Человек — непобежденный и непобедимый!

Этой книгой, на мой взгляд, Хемингуэй заявил о своей солидарности с отверженными всего мира и не изменил им до последнего вздоха. Я бывал на Кубе много раз после выхода в свет «Старика и моря». В рыбацкой деревушке Карденас, где автор поселил своего героя, я встречал много рыбаков, которые помнят и любят Хемингуэя. И каждый по секрету сообщал мне, что это именно он герой повести.

Хемингуэю удалось ухватить самую суть их жизни; все они были правы, отождествляя себя с его героем, не боявшимся ни бога, ни черта, ни пучины морской. Несмотря на чудовищную опасность, он делал то, что должен был делать, — такова была его работа. «Старик и море» — это гимн труду, героизму, человеческой отваге.

Таков был и Хемингуэй. Кристальная простота его стиля достигалась ценой невероятных усилий. Он тщательно подбирал каждое слово, взвешивал его, стирал, зачеркивал, выкидывал. Он ходил по комнате, пробуя слово на слух, вдумываясь в его значение и скрытый смысл. Он был усерднейшим тружеником, добивавшимся, подобно ученому, микроскопической точности. Он говорил мне, что некоторые рассказы переписывал по двадцать и более раз.

В достижении точности и простоты каждого слова был смысл жизни Хемингуэя, жизни, которую он так любил, а отнюдь не в «великосветских» увлечениях — подводном плавании или охоте на львов, как утверждают клеветники. Этот непревзойденный художник был солдатом жизни, из тех, кто любит жизнь больше всего на свете и ради этой любви идет на смертельный риск.

Помню строки в конце романа «По ком звонит колокол», когда Джордан, смертельно раненный, усилием воли удерживает сознание, чтобы последними выстрелами помешать фашистскому наступлению. «...Я дрался за то, во что верил, — говорит он в заключительном монологе. — Если мы победим здесь, мы победим везде. Мир — хорошее место, и за него стоит драться, и мне очень не хочется его покидать».

Таким я запомнил Хемингуэя и думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что таким он и был.

ДОМ БЕЗ К

Ал. АЗАРОВ,
Вл. КУДРЯВЦЕВ

Рисунки И. УШАКОВА.

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

17. Декабрь, 1943. Женева, рю Лозанн, 113.

Зимой, когда ветер с Роны подметает панели, Женева — ее улицы, набережные, площади — не располагает к прогулкам. Вальтер плотнее запахивает пальто и натягивает шарф на подбородок. В голове у него гудит — от ветра, холода и усталости. Два часа таскать за собой филеров, каждый из которых вдвое моложе и крепче тебя, и ни разу не присесть при этом — задача, больше подходящая для марафонца, чем для мужчины средних лет. Ширвиндт приучил соглядатаев к ежедневным променадам — длинным, по разнообразным, не повторяющимся маршрутам, начинающимся у конторы «Геомонд» и кончающимся у ее дверей. Обычно за этот срок — два часа — он успевает незаметно опорожнить «почтовые ящики» и вложить в них шифровки. Кроме того, покупая в киосках какие-нибудь мелочи или прицениваясь к ним, Ширвиндт ухитряется приклеить к тыльной стороне прилавка обычную почтовую марку стоимостью в два сантима. Даже если марку найдут и подвергнут исследованию с пристрашением, то вряд ли удастся проявить невидимый текст, нанесенный на нее. Впрочем, Вальтер пользуется не только «почтовыми ящиками» — часть сообщений уходит прямо из конторы, заботливо перепечатанная руками Элен и адресованная до востребования, в абонированные ящики, в рекламный отдел одной из крупных газет, где Грюн — через посредника — забирает письма и передает их по назначению.

С некоторых пор, правда, Вальтер подготавливает новую систему связи, замыкающуюся на конспиративных квартирах. У него такое предчувствие, что с «Геомондом» скоро придется расстаться, перейдя на нелегальное положение. Швейцарская полиция редко нарушает законы, но у Ширвиндта нет оснований не верить Шарлотте и ее рассказу о микрофонах. Шарлотта пришла во вторник утром — лицо без кровинки и вид такой, словно решила топить.

— Господин Ширвиндт, нам надо поговорить!

Вальтер усадил ее в единственное кресло, предложил чаю. Шарлотта отпила глоток и поставила чашку.

— Спасибо, Вальтер! Думаете, будет сцена? О нет, мой дорогой. Что не удалось, то уж не удалось — не судьба.

Ширвиндт подошел к двери, резко открыл. Сказал не успевшей выпрямиться Элен:

— Я оплачиваю вашу работу, но не любопытство, моя милая! Поезжайте в «Трибюн» и разберитесь, будут ли они наконец платить. Пять франков на такси впишите в счет редакции.

Шарлотта успела немного оправиться и дала чай.

— Поссорились с Проспером? — спросил Вальтер.

— Вы же знаете: мы не ссоримся. Она уже ушла?

— Да, — сказал Ширвиндт, следя в окно за удаляющейся Элен. — Любопытство, если верить писанию, погубило Еву.

— Адама, — поправила Шарлотта. — Вами интересуется полиция, Вальтер... Скажите, микрофоны в стене — это законно?

— Насколько мне известно, нет.

— А Проспер согласился!.. Сегодня... В первый раз я отговорила его и он отказал, а теперь они пришли опять и настояли на своем.

— Кто?

— Вальтер, не думайте, что я круглая дура! Вы антифашист? Вы же немец, Вальтер, и не дружите с вашим землячеством. Так? Значит, вы против Гитлера.

— Я географ, Шарлотта.

— Бог с вами... Может быть, вы действительно только географ и я все себе придумала о вас, но я французенка, господин Ширвиндт, и, между прочим, родилась в Париже — в том самом, где сегодня маршируют наци...

Маленькая женщина сидела перед Ширвиндтом, готовая выкинуть что угодно — расплакаться, разбить чашку, наговорить кучу дерзостей или объясниться в любви. Вальтер, спасая положение, протянул ей сигарету.

— Трубку мира, Шарлотта?

— Не надо... Я сейчас уйду... Запомните, что я сказала о микрофонах. Проспера запугали, и он верит, что вы заговорщик, замысляющий ужасные вещи. Мне-то плевать, но он согласился, и сегодня вечером придут рабочие... Поцелуйте меня, Вальтер, или я зареву как корова!...

Это было во вторник.

Микрофоны, конечно, уже работают. «Геомонд» с каждым днем обкладывают все плотнее и плотнее — так, кажется, травят медведя, укрывающегося в своей берлоге.

За три дня Ширвиндт мало что успел: аварийные квартиры нельзя подыскивать самому. Приходится перепоручать это товарищам, заранее считаясь с тем, что кто-то будет знать адреса. После отхода Камбо число крупных и постоянных источников сократилось до двух. Макс — третий. Следовательно, нужны три новые цепочки для связи с ними и какое-то количество аварийных.

Во вчерашней почте как нарочно пришел проспект «Лонжина». На этот раз вместе с деловым письмом, помеченным регистрационным шифром фирмы «Планкетт» — 0016. Под этим номером в проспекте была фотография дамских часиков; стрелки стояли ровно на 11.00. Ширвиндт без видимого интереса перекинул несколько страниц, сказал Элен:

— Если «Лонжин» или «Докса» пришлют еще буклеты, отправляйте прямо в корзину. То же относится, само собой, и к «Омеге», «Патеку» и всем прочим. Или вам нужны часы?

— Мне — нет.

— Даже эти, с бриллиантами? Смотрите, какая красота!

— Семьсот два доллара. Это сколько на франки?

— Четыреста тридцать два франка за сто — по курсу дня. Считайте сами. Дороговато?

Элен сделала гримаску и унесла проспект, укрепив Ширвиндта в решении отказаться от

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—27, 29.

ЛЮЧА

«Лонжина», как средства оповещения. Если не сама Элен, то сотрудники БЮПО могли засечь, что часовые фирмы посылают дорогостоящие рекламные издания конторе, далекой от быта хронометров.

Итак, «Космополитен», 11.00.

Все происходит быстро и просто: пароль, подставленная шляпа и беззвучно падающий в нее комочек папиросной бумаги, который Ширвиндт тут же закладывает под язык. Курьер, однако, на этот раз, пренебрегая правилом, шепчет — рука с сигаретой у рта:

— За вами следят.

— Знаю. Двое.

— Трое. Легко узнать: очень худой, в синем плащ-пальто.

Ширвиндт внимательно смотрит хронику. Собачья выставка в венском «Шпортхалле» — кукольные, дрожащие левретки, чау-чау с мордочками-хризантемами, карликовые пинчеры и терьеры, черные пудели, умещающиеся в муфтах, болонки, мини-борзые, фоксы...

В туалете кинотеатра Вальтер, закрывшись в кабинке, разглаживает влажную бумажку. «Дорогой друг! Ваши дела, очевидно, вполне позволяют передать их в надежные руки и уехать. Нам хотелось бы, чтобы вы не откладывали решения и не медлили. Возьмите посылку. Желаем бодрости и здоровья. 3.08.1943».

Ширвиндт бросает бумажку в фаянсовый клозет, нажимает педаль, спуская воду. Мгновение — и шифровка исчезает в водовороте — патентованная «Ниагара» способна унести даже булыжник.

308 — это не дата, а номер автоматического сейфа на вокзале Корнавен. 1943 — номер шифра, позволяющего открыть сейф. Ширвиндт перед зеркалом поправляет шарф, закутывая горло: еще утром оно начало саднить, предвещая, что вечером температура подскочит. Простуда, дрянная штука, вынуждающая глотать пилюли и средства от головной боли.

Кто же все-таки этот третий в синем плащ-пальто? Контрразведка или немец? Да, пора кончать с «Геомондом». Не сейчас, конечно; надо еще продержаться недели три-четыре...

18. Декабрь, 1943. Париж, Пантеон.

«...Старый дуралей, тебе захотелось — чего? Тебе захотелось риск, опасности, мчащейся на всех парах, как экспресс. Успеешь ли соскочить с полотна вовремя и не угодить под колеса?.. Этого тебе надо?.. Ах ты, романтик, — действительности тебе подавай, и такое, чтобы дух захватило? Простое смешно! Я-то ведь точно знаю, что ты не такой, и в детстве был не такой, и в юности. Марки ты любил собирать — тихое занятие. Обломов бы из тебя вышел — вот кто; халат на вате, трубка с чубуком на фунт табака... Вот и избавляешься от самого себя. Просто, оказывается, открывается ларчик. Ничего загадочного. Устал... Нет, не так: больше не можешь заниматься всем этим — организовывать, думать, копить и собирать. Разведка — дело незаметное, бухгалтерское: сатиновые нарукавнички и арифмометр. Лучшее всех работает тот, кто умеет быстро подсчитать и сравнить — раз костяшка, два костяшка. Вводные, проверка, перепроверка, сальдо, дебит, кредит... Только бы не ошибиться

в сумме! Тройная бухгалтерия. Романтики в ней ни на ноготь, а страха хоть отбавляй — куда больше, чем сейчас, когда стоишь ты, милостивый государь, на углу — рука в кармане — и прикрываешь радиста. С пистолетом проще... Жак-Анри все понимает: и почему ты напротился на это и что устал, отработался, начал бояться замкнутого пространства, стола, арифметической ошибки...»

Через три минуты конец сеанса. Жюль переминается с ноги на ногу, дует в горсть — пальцы совсем одеревенели. Собираясь, он забыл перчатки, а здесь, у Пантеона, согреться негде. Днем еще можно несколько минут переждать в вестибюле Школы и то недолго — служители не любят посторонних; вечером же совсем плохо — голые кусты не задерживают ветра. Почему это возле деревьев всегда холоднее? Какой-то фокус природы — о нем, наверно, можно где-нибудь прочесть...

Парабеллум оттягивает внутренний карман пальто. Оружие приносит и уносит Техник — таскает его в сумке с инструментами. Там же держит и бутерброды, пропитанные запахом машинного масла.

Еще две с половиной минуты и — конец передачи.

Из-за кустов Жюлю виден задний вход в павильон. Света в окнах нет: они занавешены плотными шторами. Радист работает внизу, в гостиной, откуда в случае чего легко услышать выстрел. В павильоне есть телефон, но в том секторе, где дежурит Жюль, будки отсутствуют. В принципе третий прикрывающий был бы здесь не лишним — у павильона три двери и к тому же он торцами выходит на разные улицы. Технику приходится дефилировать вдоль фасада, стоять то у круглой тумбы для афиш, то под уличным фонарем. Он пришел с букетиком поздних, прибитых морозом астр — изображает влюбленного.

Цветы — неплохой пропуск, если подвернется патруль. Ни у Жюля, ни у Техника нет с собой документов. Они оставлены в укромном месте, за три квартала от Пантеона. По ним Жюль — рантье, недавно приехавший в Париж из провинции и живущий в меблированных комнатах на Мулино, комиссариат района Отей. Две недели назад Жюль по всем правилам оформил прописку и заплатил хозяйке аванс за три месяца. Комната подвернулась неплохая, с приличными мебелью и бельем, и район оказался спокойным.

Две минуты до последних нажатий ключа. Недаром говорят, что мысль быстрее полета. Кажется, столько всего передумал, а прошло несколько секунд... Тишина, и даже ветки не хрустят. Когда радист отстучает точку, он приоткрывает занавеси — свет в щелке, как сигнал маяка: все в порядке, можно плыть.

Жюль, отвлекаясь, растирает пальцы. Мизинец от холода прямо скрючилось, прижало к ладони — вот что значит ходить без перчаток. Жак-Анри — тот вечно забывает перчатки или кашне. За ним нужен глаз да глаз. Он всегда сердится, если Жюль напоминает, что надо поесть, отдохнуть, взять платок. Для него и платок и обед — мелочи, не заслуживающие внимания. Педант он только в делах. Жюль, познакомившись с ним, поначалу решил, что он сухарь, черствая корка, ходячий арифмометр. Да и в Центре многие думают так же... А он просто добряк.

Согрев пальцы, Жюль смотрит на часы. Стрелки «Ромера» как будто прилипли, не хотят передвигаться.

«Не люблю я зиму», — думает Жюль.

«Скорее бы весна», — другая мысль.

«Скорей бы конец войне!» — мысль третья. О том, что война скоро кончится, Жюль думает часто. Прикидывает так и эдак, высчитывает сроки, по карте измеряет, куда откатились немцы. По ночам, прикрыв приемник подушкой, ловит «Последние известия». «Внимание, говорит Москва! Радиостанция имени «Коминтерна». Немцы с Эйфелевой башни военными передатчиками глушат сводки Совинформбюро — включают марши и шпарят без передышки. Жюль наловчился отлавливать их, балансировать на самом остром диапазоне... «Читали Рощина и Левитан. Спокойной ночи, дорогие радиослушатели...» Техник обещает достать «Телефункен» — на черном рынке есть все, даже приемники. Весь Париж слушает Москву или Лондон. «Говорит Москва! РВ-64».

Жюль, держась поближе к кустам, медленно идет к павильону. Неудачное место — этот павильон: слишком открыт. Жак-Анри долго не решался пользоваться им, заменял, если выпадал черед, другими радиоквартирами. Если бы не история с Луи, заставившая бросить пять радиоквартир, то от павильона надо было бы отказаться... Бедняга Луи! Так и сгинул в облаве. Жюль использовал связи в префектуре, но толком ничего не узнал — какое-то время задержанных содержали в форте Роменвиль, а затем отправили в Германию.

Кусты — или тишина? — начинают звенеть, и звон этот, пронзительный, рожденный ветром или воображением, устремляется к небу — туда, где в черных промолках мерцают зимние звезды. Жюль задирает голову и отыскивает Большую Медведицу. Скашивает глаза, но Малая Медведица скрыта облаками — отбилась от мамы. При желании можно придумать целую историю о малышке, спрятавшейся за кустами, и о дорожной родительнице в косматой шубе, аукующей на весь звездный лес.

«Мне бы такую шубу», — думает Жюль. — И Жаку-Анри — шубу. И Технику. А то ходит в чем — сито, а не пальтишко, сиротское какое-то. Мерзнет, но не жалуется, — у меня, дескать, кровь молодая, того и гляди допрыгается до воспаления легких».

Жюль складывает губы дудочкой и тихонько высвистывает: «Много дней, веря в чудеса. Сюзанна ждет; у ней синие глаза и алый рот». Слуха у него нет, и мелодия звучит фальшиво, но ничего — Техник, если услышит, поймет, что через минуту пора уходить.

Кусты, как камертон, подхватывают звук — тянут его, колеблют тишину. Окна павильона все еще черны; радист явно не уложился в срок.

Жюль сует руку за пазуху, нащупывая предохранитель парабеллума, и падает, вмятый, вбитый, втоптаный в мерзлую, колючую землю. От удара, от боли в вывернутом плече он кричит и тут же давится — тяжелая рука, пахнущая табаком и кожей, сдвигает ему щеки, винтом выкручивает подбородок.

— Молчать!

Жюль пытается встать на четвереньки, барахтается под телами и, распластанный, замирает от нового удара.

— Тихо, ты!..

— Вы держите его?

— Сильный, ч-черт!

— Тихо! Не упустите его... Родэ! Быстро к павильону!

Рука у рта разжимается, и Жюль, приподняв голову, сквозь розовую муть, расплывающуюся перед глазами, видит несколько фигур — тени, подбегающие к павильону. Розовые тени, на розовой дорожке возле розовой стены дома.

— Мильман? Что у вас?

— Рация работает.

— Ладно. Если кончит, не проморгайте!

— Да, господин комиссар...

— Мейснер! Идите туда... И чтобы никто не стрелял!

— Я лежу на нем.

— Встаньте же. Эй вы, смените лейтенанта... Быстрее, Мейснер!

«Конец», — думает Жюль, отвлеченно, словно все происходящее касается кого-то другого. — Сейчас или будет поздно... Я свистел и не слышал... Ничего... Жак-Анри, старина, я не подведу...»

Груз на спине — одна из глыб — сползает, уступая место другой — полегче. Жюль складывает ноги, поджимает под себя и рывком поворачивается на бок. Он хотел бы на спину, но не удалось. Ничего, сойдет! Рука — все еще за пазухой, перед глазами — уже не туман, а красный дождь, но боль не мешает нажимать на спусковой крючок... Глыба отваливается, воет, бьет чем-то жестким — каблучки? — по спине, и Жюль новым рывком — на пределе сил — отталкивается от нее.

...Горячо и жарко — в самом низу живота.

...Это хорошо! Это оттого жарко, что Жюль вскакивает и бежит, разогреваясь в движении. Павильон стремительно растет, тени валяются в стороны, уступая дорогу. Ступеньки и дверь... «Я не подведу, старина!» — кричит Жюль, вбегая, врываясь, в темный нижний коридор, и волна несет его, не давая касаться земли... «Беги, парень!» — Голос, как трубы Иери-

хона, а комната пуста... Радист ушел, спасся, и Жюль, охваченный счастьем, совершает прыжок — через темноту — вперед, к набегающей спасительной волне...

...Ноги Жюля дергаются, скребут землю — вторым выстрелом, через карман, он пробил себе живот, а третьим — левое легкое.

— Не хочу... — громко и отчетливо говорит Жюль, опережая подступившую к горлу кровь.

Гаузнер хватается за плечо шатающегося Мейснера.

— Вы что-нибудь поняли?

— Я ранен, — слабо говорит Мейснер.

Он садится на землю и ощупывает мокрое бедро. Ему нет дела до чьих-то слов. Кроме того, он не понимает по-русски, а Жюль, умирая, впервые за все эти годы подумал вслух на родном языке... «Не хочу умирать!» — была его мысль, но смерть оказалась быстрее мысли.

19. Февраль, 1944. Женева, рю Лозанн, 113.

Никто не учил Мильмана мимикрии, но у парня оказался божий дар, и Бергер рад, что не ошибся в выборе. Всего неделю провел Мильман — по паспорту Штейнер — в скальном лагере, но повадки заправского «альпи» вошли в плоть его и кровь — все изменилось: облик, манеры, речь. Жаргонные словечки скалолазов так и сыплются из уст Штейнера, а горные ботинки на толстой подошве и вязаная шапочка с гарусным помпоном способны хоть кого убедить, что в Женеву Штейнера загнали февральские бураны, свирепствующие на перевалах, и что при улучшении погоды он с радостью удерет назад, в свои обожаемые горы.

За сутки Бергер научил Мильмана кое-как справляться со взятым напрокат «фордом»: в нем ефрейтор провел сегодня ночь, поставив машину неподалеку от конторы «Геомонд».

Ближе к утру Бергер заехал на рю Лозанн и убедился, что «форд» стоит, где положено, у дома 109, ранец с гониометром — на переднем сиденье, а сам Мильман не спит. На ветровике машины белел талончик; следовательно, полиция примирилась с тем, что «форд» расположился вне стоянки, и ограничилась штрафом.

Бергер прошелся по рю Лозанн, поймал такси и уехал в гостиницу.

Можно было отдохнуть, но сон не шел. Укрыв ноги пледом, Бергер проштудировал железнодорожное расписание; убивая время, подпилит ногти; достал библию, полистал. Подчеркнул строку: «И сказал господе Моисею: иди и осмотри землю Ханаанскую...» В соседнем номере, за тонкой стеной приглушенно храпел Кунц — телохранитель, взятый Бергером по настоянию фон Бентивеньи.

В Берлине было решено, что Бергер только в крайнем случае свяжется с местной агентурой барона фон Бибра. Все было обставлено так, чтобы у СД сложилось впечатление, что Бергер отдыхает; в приказе по абверу Канарис написал: «Убыть в очередной отпуск».

Заезжая за Мильманом в Париж, Бергер около суток провел в обществе Рейнике и Гаузнера и вел себя как отпускник — много пил и не интересовался делами.

Рейнике был в отличном настроении. Разгром радиоквартиры у Пантеона принес ему и комиссару благодарность Кальтенбруннера, а Мейснеру — прощение прежних грехов и железный крест второго класса. Гаузнер в свежем мундире с серебряным шитьем выглядел именинником. Проверив по архивным досье личности убитых — радиста и прикрывающего — он установил, что Жюль из «Эпок» и прикрывающий, застрелившийся у павильона, — одно лицо.

— Живой он был бы полезнее, — лениво сказал Бергер.

Рейнике поднял бокал, ложечкой снял соринку со льда.

— Как знать, Юстус!

— Слишком тонко для моего солдатского ума.

— Скажем ему, Гаузнер?.. Так и быть!.. О смерти мсье Жюля известно нам, но не тем, кто руководит резидентурой русских. Для них мы пустили слух, что при перестрелке у павильона взято двое раненых, коих мы и сохраним в Булонском лесу.

— Думаешь, слух дойдет?

— Почему бы и нет?

— Допустим, так... Русские перестроятся, и только.

— А фактор времени? — спросил Гаузнер.

— Да, время, конечно, у них уйдет.

Бергер отпил глоток, подумал: «Гестапо довольствуется паллиативами. Но как ловко они преподносят!» Шампанское было терпким и пахло старыми дрожжами.

— Радист тоже русский? — спросил Бергер.

— Француз, — угрюмо сказал Гаузнер. — Лягушатник неудачно стрелялся: хотел в висок, но рука, видно, дрогнула и взял правее. Жил часов шесть...

— Еще раз за тебя, Юстус! — сказал Рейнике и наполнил бокал; пена хлынула через край. — За твой отпуск в Баден-Бадене! Поезжай отдыхать, а к твоему возвращению мы доконаем русскую группу. Мсье Жюль опять-таки поможет нам. Гаузнер отработывает его биографию — фотоснимки и ориентировка ушли во все комиссариаты и наши отделения в Париже: прорва работы, зато не вхолостую. Здесь штришечек, там крючок...

— Прозит!

Бергер расплатился и, приехав в «Лютецию», принял ледяную ванну. Он был абсолютно трезв, когда читал рапорт Мейснера о ликвидации радиоквартиры и мер, предпринятых Рейнике и Гаузнером для поисков резидента... Что ж, приходилось признать, что на этот раз гестапо обошло абвер по всем статьям. Добрая половина сотрудников парижской контрразведки только и занимается штатами фирм, близких «Эпок» по роду деятельности; с такой же тщательностью проверяется все, что имеет хоть малейшее отношение к личностям Жюля и радиста; негласные сотрудники получили задание предъявить фотографию мсье Жюля консьержкам, содержателям кафе, кабачков и трактирчиков, служащим парижских вокзалов и владельцам отелей, пансионатов и мебелирашек. Если мыслить образами, штаб Рейнике выращивает древо и готовится собрать свой урожай плодов...

Бергер отправил рапорт в Берлин с фельдкурьером и посоветовал начальнику Абверштелле в Париже полковнику Райле связаться с лидерами кагуляров. Сказал убежденно:

— Они хотя и в подполье, но агентура у них не хуже, чем у гестапо.

— Кагуляры запрашивают компенсацию.

— Я бы посулил выпустить из концлагеря кое-кого из их «вождей», взятых в сороковом¹.

Это был последний разговор, проведенный Бергером перед отъездом, и он оставил грустный осадок: успехи Рейнике и пассивность парижского Абверштелле при сложившихся обстоятельствах играли на руку Гиммлеру.

Единственная радость — Мильман. Бергер по приезде в Женеву поручил ему проверить, нет ли в «Геомонде» передатчика, и отправил с ним на рю Лозанн опытного Кунца... Они вернулись поздно вечером, порознь, и Кунц, докладывавая, был в восторге.

— Это надо было видеть! Он висел, как обезьяна, и, сдается мне, ни черта не боялся!

— Вас не заметили?

— Головой ручаюсь — нет!

— Читайте, что вам повезло.

Честно говоря, Бергер и сам не знал, как реагировать на трюк, выкинутый изобретательным ефрейтором. Сам бы он, конечно, никогда не рискнул засесть на пожарной лестнице и, развернув гониометр, пеленговать «Геомонд». Кунц, правда, утверждал, что лестница, втиснутая в углубление стены, не просматривается со двора, но Бергер предпочел для ночью-

¹ После оккупации Франции деятельность кагуляров формально была запрещена, однако Гестапо втайне поощряло ее.

го дежурства использовать способ попроще — дал Мильману «Форд» и отметил на плане место для стоянки — дом № 109.

Предосторожность оказалась не лишней: спустя несколько часов Кунц обнаружил, что за «Геомондом» наблюдают; сначала на глаза ему попались двое молодых людей, не слишком-то и маскирующихся, а вечером совершенно случайно он выявил третьего — блондинчика, дежурившего в газетном киоске. Мильман в своем «форде» уже устроился у дома № 109, и Кунц не решился к нему подойти.

Бергер выслушал Кунца и отправил его спать, сказав:

— Пусть все остается, как есть. На середине реки коней не меняют.

— Сдается мне, это БЮПО, — заметил Кунц.

— Хоть сам Лусто! «Форд» на улице и дремлющий пассажир — эка невидаль для Женеви! Наблюдатели у «Геомонда», чьи б они ни были, Бергера не особенно волновали. Конспиративные квартиры, подобранные из Штутгарта, обеспечивают группе укрытие, а пограничное «окно» — путь для отхода. Физическое же устранение Ширвиндта — крайний и нежелательный случай! — совершат агенты фон Бибра, не припутывая к нему ни Бергера, ни его людей... Впрочем, ради убийства не стоило бы приезжать...

Бергер звонит вниз — портье.

— Номер четырнадцать. Есть что-нибудь для меня?

Отсутствие письма означает, что Мильман не засек рацию в «Геомонде» и ближайшим поездом уедет из Женеви в горы.

— Момент!.. Нет, ничего не поступало.

— Хорошо. Пусть пришлют завтрак — что-нибудь легкое. Кофе не крепкий. Совсем не крепкий.

— Газеты, мсье?

— Да, английские...

Позавтракав, Бергер негромко стучит в стену: четырежды, с разными интервалами. Кунц, выбитый, с прозрачными после сна глазами, приходит через минуту. Пиджак на груди вздут буграми — хотя Кунц и носит костюмы свободного покроя, но арсенал, рассованный по внутренним карманам, так громоздок, что остается пожалеть о древнеримских тогах, не нашедших местечка в современной моде.

— Прикажете вас сопроводить?

— Нет, Зепп... Сегодня мы с вами попробуем сварить похлебку, как выражаются повара: за вкус не ручаюсь, но горячо будет!

— Надеюсь, мне не придется лезть в котел?

— А полезли бы?

Кунц меланхолически кивает, и Бергер, глядя на него, вспоминает, как Рейнике при последнем свидании в Париже желал ему хорошего отдыха.

— Ладно, — говорит Бергер и достает из кармана конверт. — Котел будет в другой раз. А сейчас вы поедете на рю Лозанн и отдадите это в конторе. Самому или секретарю — не имеет значения.

— Меня засветят.

— Правильно. Больше того, за вами поставят проследить, и вы хорошо поступите, Зепп, если утащите шпиков подальше от «Геомонда». Только не трогайте их.

— Как прикажете!

— О Зепп! Мне не нужен слепой исполнитель. Я хочу, чтобы вы усвоили: то, что поручено вам, не менее важно, чем моя часть или работа с гониометром. Кстати, Штейнер сделал свое дело и выяснил, что «Геомонд» не используется как радиоквартира.

— Можно вопрос?

— Разумеется.

— Это имеет значение?

— О да! После вашего визита на рю Лозанн Ширвиндт или проглотит наживку, или же передаст по цепочке радистам депешу для Центра о моем письме. Думаю, остальное можно не объяснять?

Кунц поправляет галстук и протягивает руку за конвертом.

— Минутку, Зепп. Чтобы все стало на места, сначала прочтите.

— Но...

— Я же предупредил: слепое исполнение не годится! Хорошо, я сам прочту... «Дорогой господин Ширвиндт. Когда-то нам не удалось довести до конца диспут по взаимно интересному поводу. Ресторан на вокзале Корнавен кажется мне тем местом, где мы сможем решить

все к обоюдному удовлетворению. Надеюсь, час пополудни — не слишком рано для совместного обеда? Наш общий знакомый мсье Жюль заверял меня, что это как раз то время, когда вы бываете более или менее свободны. С совершенным почтением — Шриттмейер»... Как видите, Зепп, никаких намеков на шантаж, и у Ширвиндта нет оснований хватать вас за шиворот и вызывать полицию.

— В чем же моя задача?

— Во-первых, уведете хотя бы одного шпиона с рю Лозанн и отделаетесь от него к двенадцати часам. Во-вторых, как мне представляется, своим появлением в «Геомонде» вы внесете в эту милую обитель смуту и тревогу, за которой последуют маленькая паника и всякие там визиты к курьерам и радистам. И, наконец, в-третьих, в час дня вы будете в ресторане и, если Ширвиндт придет не один, займетесь его спутниками. Надеюсь, вы не скажете, что этого вам мало?

— Я сделаю, — коротко говорит Кунц и прячет письмо.

...Пять часов — чертова уйма времени, которую Бергер щедро тратит на несколько длинных телефонных разговоров — из будок, конечно, — сеанс в кино и три поездки в такси — без адреса, просто для того, чтобы запутать филеров, если они есть. Слежка не может ему помешать, ибо у фон Бибра есть «рука» в БЮПО — в отделе по надзору за иностранцами, — и на худой конец рапорты агентов обойдутся германской миссии в определенное количество франков... Впрочем, откуда ей взяться — слежке? Не топают же БЮПО за каждым ночным прохожим, имевшим несчастье появиться на рю Лозанн?..

«Чушь какая-то!» — говорит себе Бергер и покупает билет на пригородный поезд.

Вторая платформа, головной вагон. Из него отлично виден вход в ресторан: точнее, два — тот, что с площади, и другой — с перрона. Бергер покупает у разносчика пакет со слоеными пирожками и удобно устраивается у окна. Поезд отойдет в 13.18 — восемнадцать минут «отложены» Бергером про запас на тот случай, если Ширвиндт задержится.

Бергер ест пирожки, не чувствуя вкуса. Придет или нет? Если придет, то первую часть плана можно считать полностью удавшейся. Сам факт появления после записки, подписанной Шриттмейером, — почти гарантия, что Ширвиндт пойдет на перевербовку. Поторгует, набьет себе цену, но согласится...

Ну, а если не придет?

«Повторим приглашение», — думает Бергер, дожидая пирожок и отмечая, что Кунц уже стоит, покуливает у двери ресторана — той, что выходит на площадь... 13.04...

Медленный и тихий кружит снег. Ложится на черную платформу и тут же тает, стекает ручьями по желобам. Бергер доедает пирожок и заталкивает пустой пакет под сиденье. Ему хочется курить, но в купе висит табличка с запретом — на трех языках. Может быть, перейти в другое купе? Но тогда на минуту дверь ресторана останется без надзора. Нет, лучше потерпеть...

Кунц, как часовой, стоит у двери.

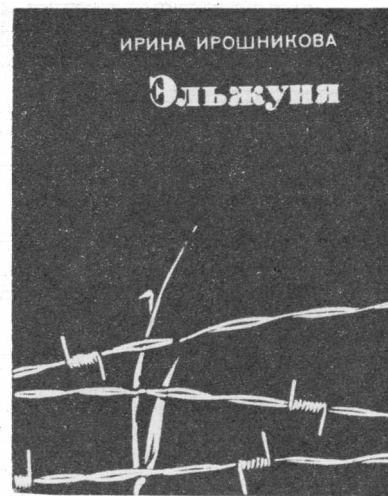
Никто не входит в ресторан и не выходит из него... Короткий толчок и еще один; перрон откатывается, отбегает, и Бергер машинально смотрит на часы — 13.18.

Под тряску вагона приступ зуда истязает Бергера. Будь она неладна, эта экзема! Он достает флакончик с болеутоляющим и, вытряхнув на ладонь сразу несколько таблеток, отправляет их в рот. Через какое-то время наступит облегчение. Надолго ли?..

«Не состоялось!» — думает Бергер, массируя щеки. — Извольте играть на нервах, господин Ширвиндт? Мудрые римляне говорили: живущий в доме из хрусталя не должен бросать камни в окна соседей... А вы не камни даже, булыжники... Завтра попробую опять — корректно, как коллега коллегу.

Зуд оставляет Бергера в самом конце пути. Разминая затекшие ноги, он спускается на перрон пригородной станции и замирает, пораженный — снежные горы, совсем близкие, ослепительно красивые и спокойные. Бергер смотрит на них и забывает обо всем — несостоявшемся свидании, экземе, планах на завтра и конторе «Геомонд» на рю Лозанн, 113.

Продолжение следует.

ЭЛЬЖУНЯ

Фотографии. Их много, очень много. Кажется, будто ты вместе с автором смотришь это страшное собрание — польский альбом «Война и дети». «Недетская обреченность лиц. Глаза, из которых многократно смотрит война... Листаешь страницы, а в горле крик!»

Книга Ирины Ирошниковой тоже о войне и о детях — о детях, которых бросали живыми в огонь, которых отнимали от матерей, над которыми «экспериментировали» в бараках Освенцима. И когда читаешь эту книгу, то и у тебя в горле крик!

У «Эльжуни» есть своя история. В качестве корреспондента «Огонька» И. Ирошниковой присутствовала на Всемирном женском конгрессе в Москве. Ее потрясла речь учительницы Нины Гусевой. Она рассказывала о детях, которых везли в Освенцим.

«Со мною на нарах спала маленькая девочка из Белоруссии Людочка Безлюдова. Отца ее казнили в Борисове. Мать перегнали из Освенцима в другой лагерь. Брата Алика, который был немного старше ее и был неотступно с ней, увезли неизвестно куда...»

Журнал опубликовал очерк И. Ирошниковой о Нине Гусевой и Людочке Безлюдовой. В редакцию хлынули письма читателей. В том числе и польских. «Огонек» послал писательницу в Польшу отыскать след Людочки, «досмотреть» ее судьбу — она оказалась сложной и запутанной...

С тех пор И. Ирошниковой без устали ищет, «досматривает», листает архивные дела, записывает свидетельские показания. Тема одна: «Война и дети». И одна из книг, рожденных этим высоким поиском, — «Эльжуня». Эпиграфом к ней взяты строки, сочиненные польской девочкой Эльжуней, которую застрелил гитлеровский солдат. Ее именем и названа книга — документальная, гневно-обличительная.

«Эльжуня» — это проклятие фашизму и гимн интернационализму. Они стоят в одном ряду негибимых борцов — русские женщины Нина Гусева и Ольга Клименко, польская коммунистка Алина Тетмайер, югославка Юличка, чешка Манци, немецкая коммунистка Герда. Неволя, беда, страшные условия концлагерей сплотили их в когорту борцов Сопротивления.

Своей публицистической книгой И. Ирошниковой присоединяет гневный голос писательницы-коммунистки к миллионам голосов, зовущих к миру на нашей планете.

Л. ЛЕРОВ

Ирина Ирошниковая. Эльжуня. М., «Советская Россия», 1974, 160 стр.

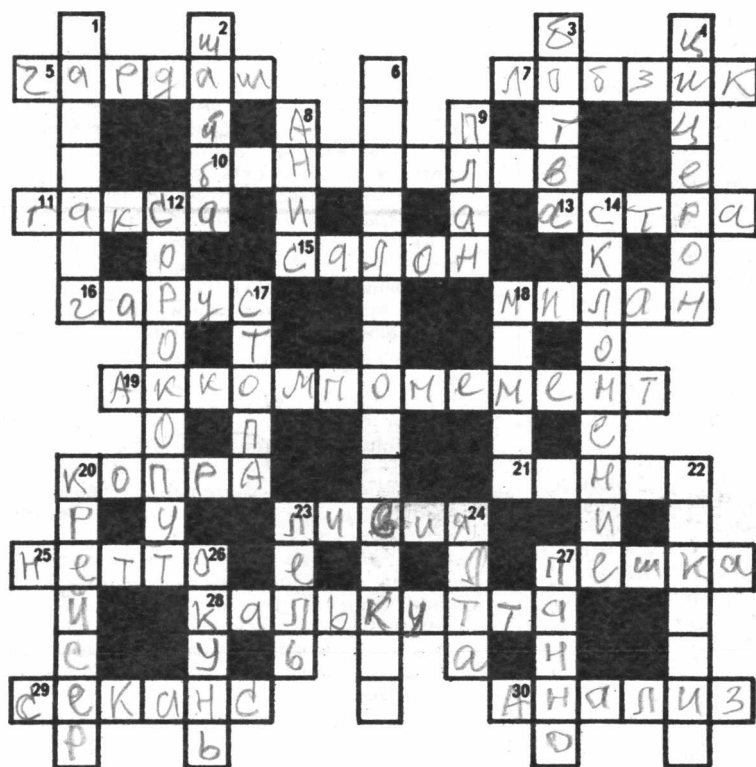
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Венгерский народный танец. 7. Ручной инструмент для выпиливания. 10. Рассказ М. Горького. 11. Порода собак. 13. Цветок. 15. Помещение для пассажиров в автобусе, троллейбусе. 16. Шерстяная пряжа для вышивания и вязания. 18. Город в Италии. 19. Музыкальное сопровождение. 20. Мякоть кокосового ореха. 21. Персонаж повести И. С. Тургенева «Вешние воды». 23. Государство в Африке. 25. Вес товара без упаковки. 27. Шахматная фигура. 28. Порт в Индии. 29. Тригонометрическая функция. 30. Метод научного исследования.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Река на Памире. 2. Резьбовая деталь. 3. Стебли корнеплодов. 4. Оратор Древнего Рима. 6. Советская научная антарктическая станция. 8. Сорт яблок. 9. Чертеж местности, сооружения. 12. Птица отряда воробьиных. 14. Изменение имен, местоимений и причастий по падежам. 17. Ритмическая единица стихотворной речи. 18. Спутник планеты Сатурн. 20. Военный корабль. 22. Советский писатель. 23. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 24. Курорт в Крыму. 26. Рыба. 27. Обрамленная часть стены, украшенная живописью или орнаментом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Тетерев. 6. Фарадей. 7. Березина. 9. «Вдовушка». 10. Мелиорация. 13. Запов. 14. Сантим. 16. Берет. 17. «Провинциалка». 20. Фидий. 21. Чапала. 24. Мопад. 27. Дебаркадер. 28. Венгерка. 29. Акустика. 30. Циркуль. 31. Початок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Репертуар. 2. Перигей. 3. Газолин. 4. Меркурий. 5. Анива. 8. «Враги». 11. Лейпциг. 12. Мегафон. 14. Сивуч. 15. «Млада». 18. Филателит. 19. Рефрактор. 22. Агава. 23. Луара. 25. Февраль. 26. Безухов.

На первой странице обложки: Варшавская Нина (скульптура Мариана Конечного). ● Польская техника на международной ярмарке в Познани. ● На страже Отчизны. ● На берегу Балтики. Гдыня. ● Краков, Вавель. ● Варшавяне слушают Шопена.

На последней странице обложки: Моды Варшавы. ● Старинная улочка. ● У фонтана. ● В предгорьях польских Татр. ● Отец и сын. ● Балерина Божена Кочалковская. ● Свадьба. ● Городской пейзаж.

Фото М. САВИНА и Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Редакция журнала «Огонек» приносит свою глубокую благодарность Министерству иностранных дел ПНР, посольству ПНР в Советском Союзе, агентству «Интерпресс», журналу «Пшиазнь» и всем другим польским организациям и лицам, оказавшим помощь в работе над этим номером.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Sports — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 1/VII—1974 г. А 00593. Подписано к печ. 16/VII—1974 г. Формат 70×108 $\frac{1}{2}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1463. Тираж 2 105 000 экз. Заказ № 2426.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ГАСТРОЛИ

ТЕАТР

Народный артист РСФСР Анатолий Мовчан, главный режиссер, пришел в коллектив из Новосибирского ТЮЗа.

— Мы отобрали для московских гастролей, — говорит Анатолий Яковлевич, — те наши спектакли, для которых, на наш взгляд, наиболее характерна основная линия театра. Сейчас она состоит главным образом в работе актера.

Постоянно идет поиск новых выразительных средств, а они в жанре музыкальной комедии оказываются неисчерпаемыми. А чтобы найти, надо много уметь! Московские гастроли — это наш экзамен, если еще не на «аттестат зрелости», то на хорошую отметку в творческом становлении театра.

Семь названий на афише. Среди них оперетта «Венские встречи» и мюзикл «Проснись и пой», комедия Лопе де Вега «Хитроумная влюбленная» и комическая оперетта Зуппе «Прелестная Жуанита». Это и музыкальная комедия по Гоголю «Сорочинская ярмарка», и современный спектакль «Мечтатели», и, наконец, «Рябина красная» — героическая мелодрама, написанная артистом театра И. Ромашко. Музыка принадлежит новосибирскому композитору Г. Иванову.

Действительно, театру есть где показать, на что он способен! А он способен на многое. Как, например, способна выпускница Новосибирской консерватории А. Ладыженская показать на сцене и современную венгерскую девочку Каролу, задорную, остроумную, спортивную, и лирическую украинскую дивчину Парасю, и темпераментную испанку Кармелу...

Конечно, далеко еще не во всех своих постановках театр достиг желаемой полноты творческого воплощения: тут многие критерии проверяются именно гастрольным опытом, взыскательностью Москвы... Но коллектив не теряет веры в будущее.

— Все решает, — говорит А. Мовчан, — работоспособность актеров, их стремление все силы отдать своему театру.

Н. ЗЫБИНА
Фото Д. Диева.

«Сорочинская ярмарка». О. Иванова в роли Параси и В. Мироненко — Гриц.

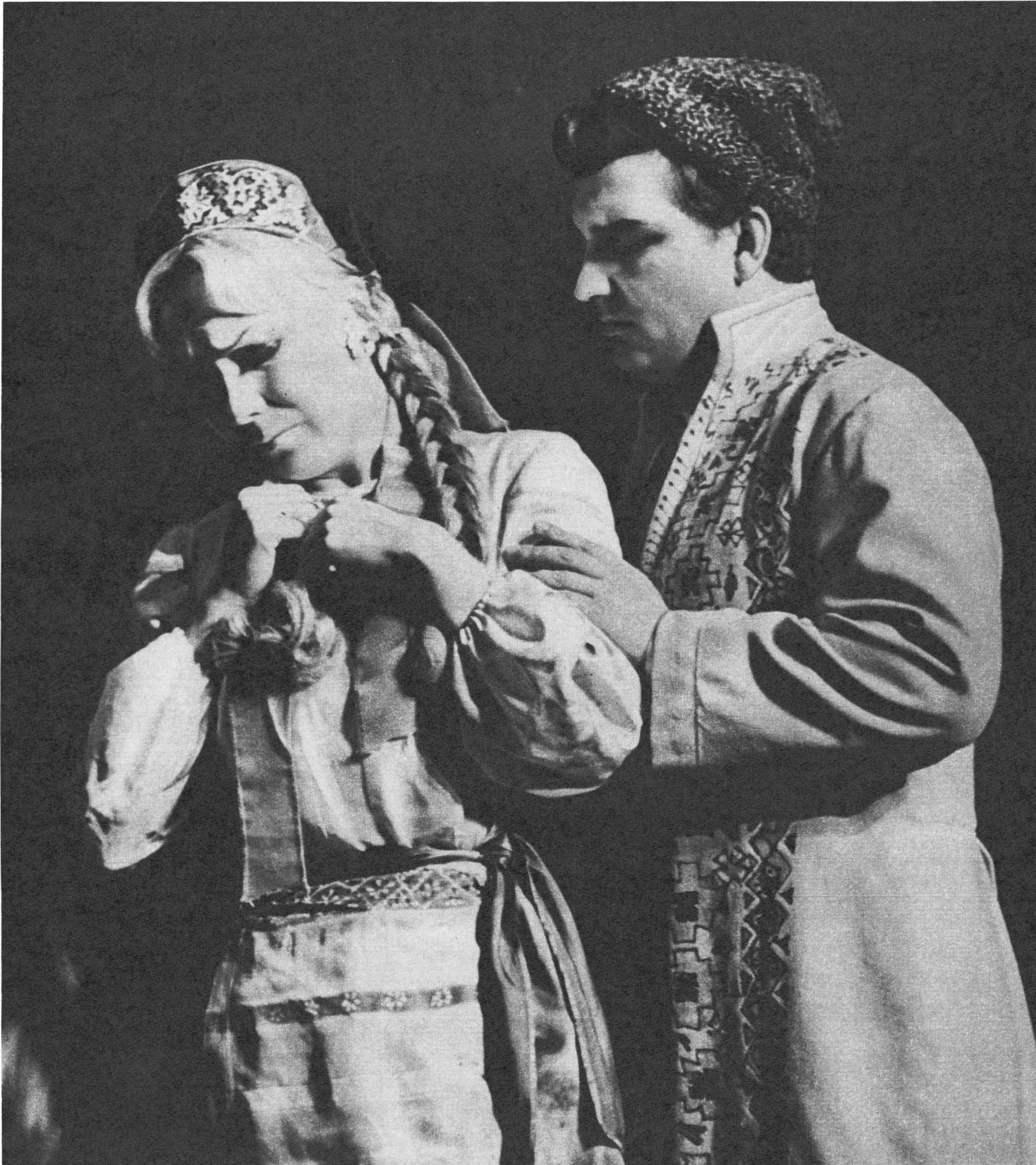
Оперетта, мюзикл — театральные жанры, постоянные сейчас на сцене, хотя театр, на афише которого царит именно такое жанровое разнообразие, может насторожить. Ведь это должен быть смелый, талантливый, трудоспособный коллектив, если ему под силу подобный репертуарный диапазон! Вот так и удивил москвичей приехавший на гастроли Новосибирский театр музыкальной комедии.

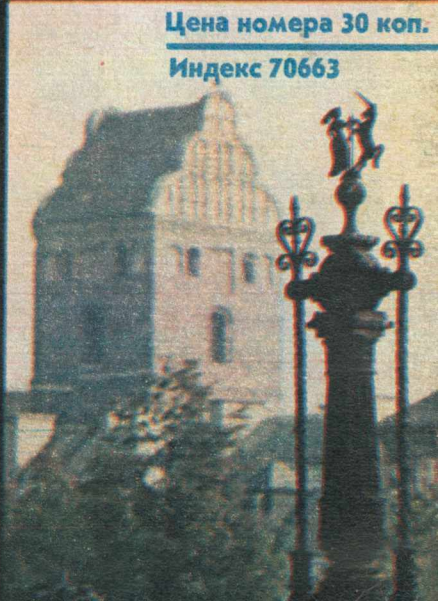
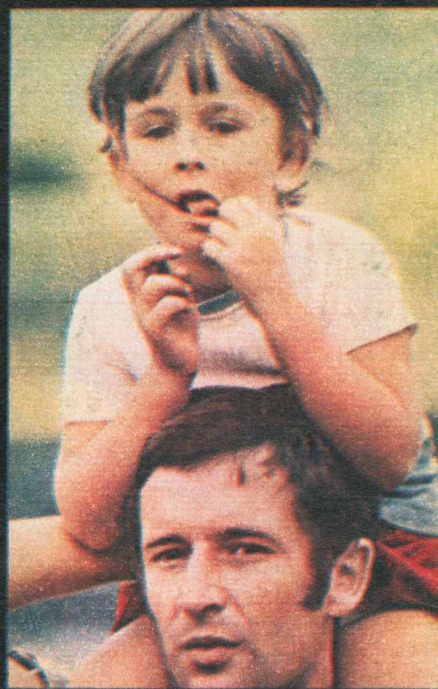
Свое название театр этот получил сравнительно недавно: в Новосибирске раньше существовал театр оперетты. Но время диктует свои законы: современные сюжеты, где главным героем стал человек сегодняшнего дня с его делами, мечтами, заботами, уже не вмещаются в классические опереточные рамки. Да ведь и первые советские оперетты, такие, например, как «Свадьба в Малиновке» Б. Александрова или «Вольный ветер» И. Дунаевского, уже внесли значительные изменения в опереточный жанр, выдвинув на первый план образ народа с его активным, жизнеутверждающим началом, способностью к подвигу.

Пятнадцать лет назад именно оперетта «Вольный ветер» и положила начало новому пути Новосибирского театра музыкальной комедии. А на новом пути, естественно, встали и новые проблемы. Разрешать же их оказалось не так просто! Музыкальная комедия, все настойчивее входившая в репертуар театра, требовала от каждого артиста значительных усилий, чтобы перестроиться от опереточных амплуа, приблизившись, с одной стороны, к драматическому искусству, а с другой — к умению строить роли, не теряя ни вокальных, ни танцевальных завоеваний комедийного жанра...

На гастролях в Москве новосибирцы и показали, как идет процесс такой сложной перестройки.

ПРОДОЛЖАЕТ ПОИСК

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663